

Хочу верить.
Хочу любить.

Ольга Вечная
Доверься♥

Долгая дорога к счастью

Ольга Вечная

Доверься

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вечная О.

Доверься / О. Вечная — «Эксмо», 2023 — (Долгая дорога к счастью)

ISBN 978-5-04-181553-0

Диана вынуждена бежать от прошлого, и у нее это хорошо получается, пока однажды она не встречает парня, в которого когда-то была влюблена в школе. Диана разучилась доверять людям, и ей придется проделать огромный путь, чтобы открыть свое сердце и вновь почувствовать себя в безопасности. «Доверься» — это психологический роман Ольги Вечной, рассказывающий о жестокости людей, которые способны разрушить чью-либо жизнь в одно мгновение. Главную героиню Диану такая жестокость не ломает, она, наоборот, становится сильнее и заново учится доверять людям, ведь без доверия невозможно построить здоровые отношения. Эта книга показывает, что всегда найдется человек, который протянет тебе руку в трудную минуту.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181553-0

© Вечная О., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Вечная Доверься

Все вымышлено. Любые совпадения случайны

© Вечная О., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

После того как мои достаточно откровенные фотографии слил в Сеть бывший, мне пришлось бежать из родного города. Было непросто, но я решила не отчаиваться. Устроилась на новую работу, завела подруг.

И быстро поняла, что в миллионнике никому ни до кого нет дела. Полная свобода мыслей и действий! Здесь бы, наверное, многие даже позавидовали подобной популярности.

Взять мою замечательную, добрую и смелую подругу Вику. Как-то раз мы напились вина, и я призналась ей в том страшном позоре, что выпал на мою долю. На что Вика лишь весело ответила:

– Так, а... сколько лайков было? Много? Я могла бы таргет настроить, чтобы...

Я сделала круглые глаза, она потянулась обниматься. Потом мы выпили еще вина, начали шутить и смеяться до слез! Что еще остается? Жизнь – штука сложная, случается разное. Есть вещи и пострашнее.

Вика классная, именно она сегодня будет моим единственным гостем на дне рождения. Мне нравится Красноярск, но если начистоту, то семьи очень не хватает. Больше всего на свете я скучаю по домашним шумным посиделкам, маминой стряпне, папиным редким ехидным шуткам. Собираюсь смотаться домой, но в выходные. Сейчас-то середина недели.

– Матвей, время, – говорю строго.

Матвей – мой новый ученик, это наше третье занятие. Ему скоро шестнадцать, и мы готовимся к тому, чтобы через полтора года сдать ЕГЭ на сто баллов. Мальчик умный, но вредный, впрочем, как и положено в его возрасте.

– Готово, Диана Романовна. – Матвей кладет ручку и поднимает ладони, сдаваясь.

– Молодчина. Все успел, – хвалю искренне.

Искренность – одно из самых важных качеств, необходимых при работе с подростками. Они чувствуют фальшь мгновенно! В их ушах будто расположены сверхчувствительные крошечные детекторы. Обманешь – и все. Больше не достучаться.

– Если продолжишь в том же духе, то поступишь, куда планировал, – мотивирую я. – Матвей А-до-май-тис, – произношу по слогам его мудреную фамилию. Накрывает дежавю из юности, я улыбаюсь. Не просто так Матвей стал моим любимчиком. – Литовская?

– Да, – закатывает он глаза. – Ненавижу ее.

– Почему? – Мои брови летят вверх. – Зря ты. Красивая и редкая фамилия.

– Вот именно, что редкая. Язык сломать можно. По буквам произношу, и все равно неправильно пишут. У меня подружки до сих пор нет только из-за фамилии. Познакомься с кем-нибудь, когда ты Адомайтис!

– А ты знаешь, – начинаю я, решив поддержать ученика. – Когда-то давно, еще в школе, я была влюблена в парня с точно такой же фамилией. Представляла, что выйду за него замуж, даже училась расписываться.

– Конечно! Охотно верю, – снова закатывает глаза Матвей, уколос меня ядовитым подростковым сарказмом, и начинает поспешно собираться.

Понимаю, что теряю его, поэтому добавляю:

– Его Пашей звали, он учился на три года старше. Встречался с моей двоюродной сестрой. Потом, правда, кое-что случилось неприятное, мой отец пообещал оторвать ему голову... – делаю паузу. – И его семья переехала.

Матвей застывает. Склоняет голову набок.

– А вы из какого города?

Я чувствую подвох и напрягаюсь.

– Неважно.

Начинающий хакер хватается за мобильный и водит пальцами по экрану. Через секунду его лицо озаряется коварной улыбкой, я же ощущаю пустоту в животе. Так бывает, когда нервничаю.

– Ага! – восклицает Матвей. – Вижу, какую вы школу заканчивали! Диана Романовна, у меня для вас сразу две крутые новости! Нет, даже три! Вам лучше за стол крепче схватиться. – Поверь, сбить меня с ног довольно непросто.

Матвей набирает в грудь побольше воздуха и выдает на одном дыхании:

– Моего старшего брата зовут Павел. Думаю, он тот самый. У него нет девушки. И... тадам! Он вот-вот за мной приедет.

Видимо, Матвей надеялся, что я вскочу на ноги и закричу: «Ура!» После чего мы возьмемся за руки и побежим встречать его холостого родственника с трудно выговариваемой фамилией.

Вместо этого изгибаю бровь. Шустрый какой.

У самой, правда, сердечко-то слегка сжимается. Вот так совпадение. И правда очень редкая фамилия. Один-единственный Павел Адомайтис на всю страну. Первая несчастная любовь. Мне тринадцать было – самый возраст страдать по старшеклассникам.

– Давайте заключим сделку. Вы меня познакомите с девушкой, которая занимается на час раньше, а я вас – с Павлом. И все счастливы, – вдруг заявляет Матвей.

– Собирайся, – говорю с усталой улыбкой, поднимаясь с места. Хитрый засранец. – Предложение заманчивое, но у меня уже есть молодой человек.

Лгу безбожно. Два года у меня никого нет и пока, судя по всему, не предвидится. Но надеюсь, что однажды кто-то появится. Когда я решусь довериться мужчине. Когда встречу кого-нибудь особенного.

Наверное... В любом случае в мире много других дел. И без любовных любовей умной молодой девушке есть чем заняться.

– Да ладно! – расстраивается Матвей. – А я уже вашу фотографию ему отправил.

Мои глаза округляются, а потом угрожающе прищуриваются.

– Павел поставил вам десять из десяти, – шепчет он в свое оправдание.

Вот это наглость! Павел Адомайтис оценивает фотографии девушек по десятибалльной шкале?!

– Не видать тебе отличницы Юлечки как своих ушей, – заключаю в итоге я.

Через полчаса, переговорив с администратором нашей школы подготовки к экзаменам, спускаюсь на первый этаж, выхожу на улицу. Шесть вечера, а уже темно.

В лицо ударяет ледяной февральский ветер с частичками дождя и снега. Я ежусь, поднимая воротник экошубы.

Матвей появляется из-за угла.

– Мой брат хирург, он людей спасает каждый день, – говорит мальчишка вкрадчиво.

Вы поглядите, какой упорный!

– Матвей, нам нужно провести магический ритуал. И чем скорее, тем лучше, – произношу я, закидывая сумочку на плечо.

– Какой еще ритуал?

– По изгнанию сводника из некогда хорошего и умного парня. Я же сказала: у меня есть мужчина, твоя настойчивость неуместна.

– Жаль.

– Жаль, что я не одинока?!

– Вы просто... понравились мне. Красивая, добрая, славная. Прошлая подружка Павла меня ненавидела. Они расстались под Новый год, этот подарок был даже лучше планшета,

который Паша сунул под елку... – Матвей вновь закатывает глаза, высмеивая попытку старшего брата устроить для него чудо.

Но это мило! Папа до сих пор так делает. И я каждое первое января, едва открыв глаза, несусь в гостиную, чтобы посмотреть, что же там под елочкой.

Невольно улыбаюсь. Но вслух произношу задумчиво:

– Ух ты. Ее несложно понять.

Пожалев, что не вызвала такси заранее, я утыкаюсь в телефон. Обычно езжу на своей машине, но сегодня планирую выпить пару коктейлей. Двадцать пять лет, в конце концов, исполняется раз в жизни.

– Да ладно вам! А вот и мой брат, кстати.

Матвей указывает на стоящий неподалеку черный «Спортейдж», из которого выходит мужчина.

Я глаза отвожу, не желая переглядываться с тем, кто только что оценил мою фотографию. Ладно, пусть на десятку, но... это ведь чересчур?

– Пока, Матвей, – говорю сдержанно. – На следующем занятии, я надеюсь, мы оба сделаем вид, что этого разговора никогда не было.

– Хорошего вечера, Диана Романовна. Но если передумаете...

– Исчезни уже!

Я поворачиваюсь спиной к потерявшим совесть Адомайтисам и жду машину.

Взгляд равнодушно скользит по домам и проходим, ярко освещенным фонарями. А потом натывается на женщину в красном пуховике. Прилипает к ней намертво. С этого момента больше ни о чем другом я думать не могу.

Моргаю, не веря тому, что вижу.

Нет... Слишком много совпадений за день!

Женщина стремительно приближается.

Такси все нет.

Я просто не хочу сцен и скандалов. Не хочу слушать то, что она собирается в очередной раз вывалить на меня!

Рядом останавливается машина. Краем глаза замечаю, что это черный «Спортейдж».

Бросаю взгляд на сотовый: «Время ожидания такси – двадцать минут».

Двадцать минут в обществе мамы бывшего?!

Заднее стекло опускается, в окне появляется физиономия Матвея.

– Диана Романовна, вас подвезти? – любезничает он.

Время ожидания такси вдруг как по волшебству растет до двадцати семи минут. Снег идет все быстрее.

– Да, если вам не очень сложно. Буду благодарна.

Я открываю дверь и юркаю на переднее сиденье.

– Добрый вечер, – говорю бойко. Мои глаза направлены вперед. Дыхание ровное, пульс почти спокойный.

Красный пуховик с каждой секундой становится ближе, но сейчас я хотя бы под защитой железной коробки. И сразу двух русифицированных литовцев.

С этой скандальной женщины станется дернуть за ручку двери. А ведь папа говорил! Папа предупреждал, что семейка та еще! Но Диана ничего слышать не хотела.

Слава богу, машина трогается.

– Привет, – слышу спокойный и низкий голос.

– Диана Романовна, это мой брат Павел. Именно он оплачивает мою учебу в вашем крутом центре. Павел, это Диана, – знакомит нас Матвей.

– Романовна, – дополняю я.

– Приятно познакомиться, – раздается слева. – Вам куда?

– Можно до остановки. Спасибо.

Я перевожу взгляд на длинные и ровные пальцы, касающиеся руля. Нет ни кольца, ни следа от него.

Хирург, значит. Жизни спасает. Делаю спину ровнее.

– Спасибо, что взяли за Матвея. Кажется, он наконец-то в восторге от химии, – вновь звучит голос. Приятный. Чуть насмешливый.

– Химию нельзя не любить, – отвечаю я быстро, поворачивая голову. – Не понимать – да. Но не любить невозможно.

Наши с Павлом глаза встречаются, я узнаю этого мужчину мгновенно и тут же опять смотрю вперед. На дорогу.

Темные волосы. Умные карие глаза. Достаточно высокий. Одет хорошо: манжеты белой рубашки выглядывают из-под рукавов полупальто, черные джинсы... Стал, конечно, крупнее, больше будто. Тогда ему шестнадцать едва исполнилось, сейчас рядом со мной взрослый мужчина.

С чистой совестью ставлю четыре из десяти. Ну... максимум пять! Накину балл за спасение, так уж и быть.

– Я тоже так думаю, – говорит Павел. И добавляет с жаром: – Самая материальная из наук. Мы изучаем химию, чтобы узнать, что мы ничего не знаем.

– И не можем ничего знать, – заканчиваю я за него одну известную цитату, которую любила повторять Ольга Семеновна. Моя учительница химии в школе.

Боже, она ведь и Павла учила! Наверное.

Краем глаза замечаю, как он улыбается. Широко, как-то особенно открыто.

Вынужденно признаю, что пятерка начинает трепетать, рискуя в любой момент обернуться... шестеркой.

Так и едем дальше, три химика: бывшая аспирантка, то есть я, новичок Матвей и... м-м, мясник, который когда-то что-то там учил.

– А мы раньше не встречались? – произносит Павел. – Не сочтите за тупой подкат, но у вас такое знакомое лицо...

Я качаю головой. Кожей чувствую, как сидящий позади Матвей потирает ладони. Не проходит и мгновения, как начинающий химик-хакер выдает:

– Диана Романовна, у вас же день рождения сегодня!

Глава 2

Такая уж наша женская натура.

Можно во всех мужчинах мира, кроме папы, разочароваться. Вычеркнуть из жизни романтику, посвятить себя карьере и кошкам, о которых я всерьез начала задумываться.

Но когда симпатичный парень вдруг начинает поздравлять с днем рождения, а потом на пару с братом петь «Хэппи бездей ту ю...». Громко. С интонациями! Боже... Невольно в улыбке расплываешься. Спину стараешься держать особенно прямо. И пританцовываешь.

Я включаю фронтальную камеру на телефоне и украдкой смотрю на экран, проверяя, в порядке ли макияж и прическа.

В машине очень тепло: обогрев сидений шпарит на максимум. Расстегиваю несколько пуговиц на шубе, замечая, как хирург оценивает мое зеленое платье. Быстро, едва заметно. Сам на дорогу смотрит внимательно. Или, по крайней мере, делает вид, потому что мы тащимся в пробке. Снежинки падают на лобовое, на капот, на все вокруг...

– Вот здесь меня высади, – командует вдруг Матвей, разрушая идиллию.

Павел чуть поворачивает голову. Улыбка слетает с его губ. Добрый доктор превращается в требовательного родителя.

– Давай до дома уже?

– К Сане забегу. Ненадолго.

– На час. Потом домой сразу, да? Тебе к контрольной нужно подготовиться.

– Я успею.

– Ладно.

Машина останавливается, Матвей коротко прощается и выпрыгивает на улицу, провалившись в снег по колено. Зло ругается себе под нос, вызывая у меня улыбку, Павел же раздраженно хмыкает.

– Я его этому не учил, – сообщает решительно.

– Вы намекаете, что сквернословия он от меня поднабрался?

– Да нет же, сквернословие от меня, – отмахивается Павел беспечно. – Я же врач. Но всему есть время и место.

Его взгляд опять будто случайно прилипает к моим коленям на мгновение.

Я смеюсь, пытаюсь представить, как сидящий рядом мужчина в белоснежной рубашке и пальто поливает матерными словами кого-нибудь... Не клеится.

– Что? – спрашивает Павел. Проводит тыльной стороной ладони по губам. – Думаете, он наврал? Не проверять же у парня в пятнадцать лет уроки.

Матвей спешит по улице в сторону подъезда. Снег идет все сильнее.

Мы с Адомайтисом-старшим наедине. Когда мне было тринадцать, я писала буквы А и Д в его фамилии крупно, казалось, это дерзко. Он об этом, конечно, ничего не знает.

Павел ждет ответа.

– Я бы на его месте солгала. Но Матвей хороший, я уверена, что домашку он сделает.

– Знаю, что хороший. Но немного... как бы сказать, безалаберный. За два последних года с пятерок скатился в тройки и двойки. Не знаю, что и делать.

Выяснив чуть раньше, что родом из одного городишки, мы как-то незаметно расслабились. Так бывает, когда в чужой стране встречаешь земляка и мгновенно проникаешься симпатией.

А потом я проговорила, что отмечать праздник планирую в «Бохо». Оказалось, что Павлу в ту же сторону.

Нужно было, наверное, настоять на своем и выйти из машины. Но бедные горожане на остановке выглядели такими замерзшими и грустными, что я вжалась посильнее в горячее кресло «Спортейджа» и кивнула.

Павел выкручивает руль, возвращая машину в глубокую колею. Бедная покачивается, скрипит.

– Ну и погода, – говорю я. – Армагеддон. Мы вообще доедем?

– Обязательно. Но в пробках постоим. Вы опаздываете?

– Немного. Подруга ждет.

– На заправку заскочим, это быстро... – Павел поворачивается ко мне и вновь улыбается.

Широко и слегка, самую малость, смущенно. – Прошу прощения, осечка вышла. Не против подождать пару минут?

Я смотрю в его глаза. Глубокие, умные. А сейчас вдобавок еще и извиняющиеся. Это вдруг кажется милым.

– Все окей, конечно, – успокаиваю, – если купите мне бутылку воды без газа.

– Это запросто. Как насчет чая? Горячего.

– Нет, спасибо.

– Уверены? С лимоном.

– Единственный лимон, которой сегодня попадет в меня, будет в составе «Лонг-Айленда». Свои зожевские штучки оставьте до лучших времен, – заявляю я. После чего вспоминаю, что, вообще-то, учу науке его брата, и добавляю: – На работе, бесспорно, я веду себя серьезнее.

Павел забавно усмехается, чуть приподнимает брови и вдруг говорит:

– Я, кстати, умею делать. Этот коктейль.

Бросает в меня еще один взгляд, какой-то странный и будто выразительный. Словно мы случайно поймали одну волну и перестали строить из себя карикатурных учителя и врача.

Этот его взгляд по всем правилам должен быть быстрым, но неожиданно затягивается на несколько секунд.

Одна, вторая, третья... снег все идет. Я задерживаю дыхание. Вау. В машине становится жарковато.

– Бармен в «Бохо» тоже, – отсекаю, пока не поздно. Стрельнув глазами в окно.

Сережа казался таким же милым, я была очарована. Я... зачем-то сравниваю Павла с бывшим после десяти минут общения! Качаю головой.

Не стану. Не за чем. Это все одиночество и день рождения. Возможно, стоило взять пару выходных и съездить домой.

Едва Павел покидает машину, достаю из сумочки телефон и пишу Вике: «Опоздаю минут на пятнадцать, прости!»

«Что-то случилось? Милая, тут такие пробки! Ты вообще такси дождалась?»

«Нет, но один хирург пообещал меня выручить».

Вика тут же перезванивает. Я поздно понимаю, как двояко можно расценить эту фразу.

– Все хорошо, – говорю в трубку, через витражные окна наблюдая за Павлом, стоящим на кассе. – Хирург он по профессии. Мне медпомощь не нужна была, не беспокойся.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Он брат одного из учеников. И... предложил сегодня побыть моим шофером. Временно, разумеется. Такси и правда ждать очень долго. Боюсь, за ночь город засыпет. Вот тебе и потепление.

– Слава богу! Ди, я так перепугалась... Сейчас скользко, люди руки-ноги ломают, просто выйдя из дома. А он... хорош?

Павел держит в руке бутылку минералки, что вызывает у меня улыбку. Рассматриваю его профиль. Потом затылок. Широкие плечи. Стройную фигуру.

– Ну-у, – тяну я. – Возможно.

– Если хочешь, мы можем перенести встречу, – с энтузиазмом предлагает Вика. – Без обид, честное слово. Я могу уйти, и разыграем сценку, будто я тебя кинула.

– Нет, конечно. Все, он идет с заправки. В течение получаса жди. Закажи мне наш коктейль. И буррату, хорошо?

– Оки.

Павел садится в кресло, обдав меня холодом. В руках держит два стаканчика на подставке, огромную шоколадку с орехами и бутылку воды. Последние тут же вручает мне.

– С днем рождения, – говорит вновь с той же обаятельной улыбкой.

– Спасибо. Давайте переведу деньги.

– О, это подарок! – отвечает он важно. – Там еще орешки были в глазури, но их увел стоящий передо мной бородач.

– Обожаю орешки, – вздыхаю я. – Особенно в глазури.

– Пять сек! – выдает Павел решительно и берет за ручку двери.

– Эй! – Я хватаюсь за него.

Адомайтис оборачивается, и наши глаза встречаются.

Глава 3

Целую секунду мы молчим. Именно столько длится мой вдох. Уголки его губ вновь чуть приподнимаются в улыбке, глаза тоже веселые.

– Обожаю, но, так уж и быть, перебыюсь, – быстро говорю я, отпуская его пальто и возвращаясь на свое место. – Мне ведь не четыре, в конце-то концов.

– На работе совершать подвиги проще, – делано вздыхает Павел. – Красивая девушка зависает в свой день рождения в моей машине, а в распоряжении лишь заправка, где не только цветов нет, но и к тому же... закончились гребаные орехи!

Смешок вылетает из моего рта.

– Ну легко нам в жизни ничего не дается.

– Это точно. Не передумала? – спрашивает он, кивая на чай. – Лимона нет. Обычный такой черный чаек, который даже не думает соревноваться с «Лонг-Айлендом». Он просто тихо-мирно существует где-то рядом, готовый согреть.

Я не удерживаюсь и смотрю на Павла. Почему-то смешно из-за его искренних сетований и возмущений. А еще... у него выразительные скулы, прямой нос, четко очерченные губы. И сам он весь такой выразительный. Я бы сказала... запоминающийся. На плечах немного снега. От Адомайтиса веет холодом.

– То есть не передумали ли вы? – поправляется он, переходя на «вы» и чуть приподнимая брови.

– Ладно, давай свой разрекламированный чай, – отвечаю я беспечно. – То есть давайте.

– Может, тогда на «ты»? Раз уж оба сбиваемся.

Порыв ветра качает машину. Я хватаю стаканчик и делаю крошечный глоток, обжигая язык. Стискиваю подаренную шоколадку. «Спортейдж» трогается.

– Лучше сохранить субординацию. Нашим деловым отношениям это лишь повредит. – Стараюсь не флиртовать с Павлом.

– Мы, вообще-то, выживаем вдвоем на трассе, но окей.

– Не обижайтесь. Я когда вам позвоню наябедничать на Матвея – вдруг придется, – то как это будет выглядеть?

– Позвоните обязательно. Он на испытательном сроке.

– А если завалит?

– Обращусь к вам за советом. – Павел сжимает руль чуть крепче. Вновь становится серьезным. – Потому что, если уж совсем начистоту, понятия не имею, как воспитывать подростков. Мне нравится быть ему другом. Но при этом кто-то должен быть еще и командиром. А совмещать это нереально.

Пытаюсь вспомнить, какая у меня есть информация об их семье. В базе номер телефона бабушки, родителей – не-а. Но часто старшеклассники приходят в наш центр сами, без пап и мам, поэтому не заострила внимание. Родители заняты, бабушки-дедушки же на подхвате.

– Я не педагог по образованию, поэтому, наверное, совет дать не смогу. Я настоящий химик. Просто так вышло, что с первого курса подрабатывала репетитором. Планировала остаться в университете и заниматься наукой.

– Потом что-то изменилось?

Расскажешь тут. В двух словах. Почему больше не смогла ходить в свой универ. Особенно симпатичному мужчине, который, вероятно, старается угодить. Городишко на двести тысяч жителей – это просто большая деревня. Взгляды, намеки, улыбочки...

Нет, в такие подробности симпатичных хирургов не посвящают.

– Захотела переехать в большой город, – быстро говорю, улыбнувшись. – И не пожалела.

Мы опять переглядываемся.

– Увы, подъезжаем, – сообщает Павел, притворно вздохнув. Достает из кармана сотовый. – Можно ваш номер?

Наверное, как-то так и происходит знакомство, когда тебе двадцать пять. Судьба сталкивает с приятным человеком, вы обмениваетесь номерами. Назначаете свидание. Занимаетесь сексом. Потому что это приятно и хорошо, потому что оба достаточно взрослые и чувствуете взаимную симпатию. Сексом...

Я вновь смотрю на руки Павла. Сглатываю.

Моих фотографий в Сети больше нет. Папа заплатил огромные деньги – их изъяли отовсюду. И продолжают мониторить ежедневно. Но, как говорится, если что-нибудь единожды попадает в интернет, то остается там навечно.

К тому же мы с Адомайтисами из одной деревни.

Павел может запросто попросить мой номер у брата, но он хочет, чтобы я дала ему знак. Мне нравится, что хирург всю дорогу ни на что подобное не намекал и проявляет инициативу лишь тогда, когда мы добрались до места.

Еще немного, и его рейтинг поднимется до семи. И все же... нет. Даже семерки недостаточно, чтобы заставить меня рисковать.

– Если вдруг Матвей начнет прогуливать, я сама позвоню вам или вашей бабушке, – говорю с нейтральной улыбкой. – Спасибо, что подвезли. И за подарки тоже. Хотя и не стоило.

– Пожалуйста, – отвечает Павел, опустив телефон. Смотрит на меня.

– До свидания, – произношу быстро.

– Отличного праздника.

Я застегиваю пуговицы на шубе, натягиваю шапку на уши. Улыбнувшись напоследок бармену-водителю-хирургу, выхожу из машины.

Сердце почему-то колотится, в животе пусто: я немного нервничаю. Мы пробьли в пути больше часа. Улыбка растягивает губы. Фух. Вау. Как бы там ни было, я хорошо провела это время.

Быстро добегаю до ресторанчика, тяну на себя тяжеленную дверь, которая слушается с трудом. Мне не терпится рассказать Вике обо всем.

– Добрый день, мы вас ждали! – встречает администратор радостно.

– Я бронировала столик на Диану. Подруга уже должна меня ждать.

Администратор смотрит в монитор и растерянно пожимает плечами.

– Не вижу. Вы уверены, что бронировали? Сейчас я уточню, минуточку.

В этот момент меня осеняет! Чувствую, как холодею, как пульс частит, как жизнь перед глазами проносится. Мы всегда с Викой сидели в «Боху», но в этот раз, в самый последний момент, передумали и решили отправиться в другое местечко. Поближе к дому.

Я хватаю трубку, прижимаю ее к уху. Едва подруга отвечает, быстро произношу:

– Я полная дура, прости. Я в «Боху»!

В ответ слышу веселый и залихватый смех.

– Ты слишком много работаешь! Я ждать уже не буду, прихвачу твою буррату и помчу домой. Заходи ко мне, как вернешься. Поедим и выпьем вина.

Мы с Викой соседи, живем в одном подъезде. Так и познакомились.

– Хорошо. Боже... я ужасный, просто отвратительный друг.

– Со всеми бывает. В наказание ты сейчас два часа будешь добираться до дома.

– Это точно.

– Голодная. Как приедешь, заходи.

– Хорошо. Целую.

– И я тебя крепко, родная. Выше нос. Это твой день, тебе сегодня все можно. Даже перепутать ресторан!

Вика права, я ощущаю сильный голод. Открываю приложение такси, которое сообщает, что машин нет. Ждите.

Ужинать в одиночестве в день своего двадцатипятилетия не хочется. Вдруг в голове возникает шальная мысль. Ее будто кто-то другой мне подкинул. Шел мимо и в голову вложил: «Может, Павел еще не уехал?»

Вряд ли, конечно, но как знать?

Это ведь просто ужин. Пока не рассосались пробки.

Делаю несколько шагов к выходу, намереваясь быстро оглядеть парковку. Но вынужденно отскакиваю назад, потому что дверь резко распахивается.

Передо мной стоит Павел Адомайтис. В шапке. И в снегу. А еще от него снова веет диким холодом.

Я поднимаю глаза, потому что, оказывается, он выше. Намного выше Матвея и вообще больше, чем я думала.

– Ты забыла у меня в машине... – начинает Павел и делает паузу, демонстративно придумывая.

Я смеюсь! Громко и в голос. Просто не могу удержаться!

– Волос? – спрашиваю.

– Да если бы! – отвечает он с раздражением. Разводит руками.

Не помню, когда в последний раз так много улыбалась в компании мужчины.

Значит, врач.

– Моя подруга не смогла приехать, – слышу свой собственный лживый голос. – Как насчет праздничного ужина? Я плачу.

Глава 4

Сразу после переезда в большой город впервые за двадцать три года у меня совершенно неожиданно... началась аллергия. Возможно, воздух здесь тяжелый, климат холоднее или вода другая. Да мало ли причин!

Мама поставила на уши всех знакомых врачей, собирая информацию, папа требовал, чтобы я все бросила и немедленно вернулась домой.

Я же обратилась в больницу.

Причин мы тогда с врачом перебрали массу, но симптомы как начались внезапно, так столь же внезапно через три месяца закончились.

Я склонна думать, что дело было в нервах. Моих бедных, растрепанных нервах. Будучи выпавшим из гнезда птенцом, точнее, папиной дочкой, оказавшейся без надежного родительского крыла, я запаниковала. Так много стало зависеть от меня одной. Настолько много!

Мне тогда уколы прописали, витамины какие-то. Жутко болезненные. Чтобы не таскаться в поликлинику, я нашла медсестру, живущую по соседству и готовую приходить в одно и то же время. За смешные деньги.

Каждый день я ждала ее прихода с нетерпением.

На работе все устраивало, там людей много, общения через край. Время стрелой летело: не успевала я в центр зайти, как на часах была половина пятого.

Квартира же встречала тишиной. Почти три месяца одиночества и сериалов, под которые я старалась забыться. Привыкнуть не выходило. Приятельниц найти – почему-то тоже. Мужчинами я не интересовалась и старалась вообще держаться от них подальше. Спасибо, один раз уже поверила.

– Моя ты девочка, моя ты сильная, еще чуть-чуть. Молодец, ну что у нас здесь за умничка! – похвалила Вика мою выдержку, втыкая иглу шприца в задницу.

Я не выдержала и вслух рассмеялась.

– Ты самая милая медсестра из всех, что я в жизни видела, – сказала тогда искренне.

Это была третья наша встреча.

– Так я же с детьми работаю, – пожалала Вика плечами. Залепила ранку и отошла от меня. Принялась перчатки снимать. – Привычка. Да и ты такая симпатичная и славная... Все готово. Завтра в то же время?

– Да, спасибо. И... за добрые слова тоже. На самом деле я впервые так далеко уехала от дома и... – закатила глаза, храбрясь, – часто чувствую себя одиноко. Так что твои визиты хоть и приносят зверскую и нестерпимую боль, но я жду их как манну небесную.

Вика тоже рассмеялась.

– У меня есть домашние вафли, хочешь? Можем сериал вместе посмотреть. Я как раз собиралась. Ты любишь сериалы?

– Ты еще не видела человека, который бы любил их больше. С удовольствием! Ауч, как же больно! – потерла я ягодицу, сводя брови домиком.

И похромала за Викой. Сначала на лестничную площадку, затем к ней в гости на этаж выше. Где мы весь вечер ели вафли и смотрели «Секс в большом городе».

Деньги с меня Вика в дальнейшем брать отказалась, мучила уколами бесплатно или, как утверждала она, дьявольски улыбнувшись, ради собственного удовольствия. Но на следующий день я приготовила голубцы и пригласила ее разделить со мной трапезу. Больше я ни минуты не чувствовала себя одинокой.

«Мы вместе ужинаем, он горяч», – пишу я подруге, пока есть минутка.

«О да, я так ждала этого!» – отвечает Вика незамедлительно.

Потом добавляет:

«Тогда я съедаю твою буррату».

«Может, он маньяк, а ты радуешься».

«Ой, хоть бы в твоей жизни уже появился горячий маньяк, который зажмет тебя у стенки».

Я закатываю глаза и убираю телефон в сумочку. Поправляю прическу перед зеркалом, убеждаюсь, что выгляжу сносно. После чего возвращаюсь в зал ресторанички.

«Горячий маньяк» сидит за нашим столиком, не думая никуда сматываться. Замечает меня сразу же – ждал. Поспешно откладывает мобильный. Больше Павел глаз не отводит. Пока иду, пока занимаю свое место. Открываю меню, неспешно листаю страницы. Все это время чувствую его. Этот самый взгляд.

– Что? – спрашиваю я, улыбнувшись.

Павел тоже улыбается, затем оглядывается и делает знак. К нам тут же направляется официант. Да не с пустыми руками, а с бокалами и бутылкой дорожущего шампанского! Чувствую, что Павел перехватывает инициативу и меняет вечер под себя. Понять не могу, нравится мне это или не очень.

Трезвонит мой сотовый.

– Прости, это родители. Если не отвечу, нас начнут искать парни в форме на машине с мигалками.

Быстро принимаю вызов. Следующие две минуты успокаиваю маму, заверяя, что у меня все прекрасно, что я не умираю от скуки в одиночестве.

Павел меня разглядывает. Ему не интересны сотовый и новостная лента в соцсети. Не интересны сидящие вокруг люди. Его интересую я. Болтающая с мамой.

Папа, уже прилично датый, пытается рассказать, какой маленькой я была, когда он впервые меня увидел в роддоме. И как сердце его сжалось, и как он понял, что я самая красивая девочка на свете...

Павел слегка улыбается, кажется, наслаждаясь моим смущением.

Я стараюсь как-то по-быстрому свернуть разговор, при этом не упоминая, что в ресторане сижу с мужчиной. Иначе начнутся вопросы, а... что тут скажешь. Мы меньше двух часов назад с ним... познакомились. Да, можно сказать, что познакомились, потому что Адомайтис меня так и не вспомнил.

Павел тем временем забирает бутылку шампанского у официанта, отпускает его с богом.

– Все, я снова с тобой, – откладываю телефон. – Извини. Это мой первый день рождения вне дома, родители с ума сходят. Я не какая-нибудь там домашняя девочка, просто праздники для нас – это повод собраться всем вместе.

– Это отличная традиция. Мне нравится, – говорит Павел. Наливает шампанское, которое веселой пеной доходит до края высокого бокала. – Я все помню, мы движемся к крепким коктейлям, но, во-первых, градус нужно повышать, это тебе любой алкоголик со стажем скажет.

– О, ты еще и алкоголик со стажем!

– А ты думала, в сказку попала? Все как полагается.

– Хирург, я помню, – закатываю глаза. – С такой работой немудрено спиться.

Адомайтис подмигивает, показывая, что стесняться его в этом плане не стоит.

– Во-вторых, раз уж я тебя сегодня случайно похитил у семьи и нагло обращаюсь на «ты», у тебя будет шампанское в день рождения. Потому что это празднично. И это моя личная традиция. Каждый свой день рождения я встречаю бутылкой шампанского.

– Прямо встречаешь?

– Да. Откупориваю ее ровно в двенадцать ночи. Если не на дежурстве, конечно. Хотя...

Я пораженно качаю головой, вновь рассмеявшись.

– Шутка.

– Ясно. Значит, шампанское у меня уже есть. – Веду по бокалу пальцем, мягко поглаживая. Господи, два года одиночества... Что я творю?! Нагло соблазняю кареглазого хирурга. – А тост будет?

Адомайтис слегка прищуривается, наблюдая за движением моей руки. Оно будит в нем что-то, распалает, я это чувствую. Пальчики ног поджимаются.

Павел смотрит в глаза. И от этого взгляда становится неудобно. Пресловутая пустота в животе наполняется трепетом. Мы с Адомайтисом откровенно друг с другом флиртуем.

Но ведь так не бывает! Чтобы два часа назад встретиться, чтобы все быстро так.

Маньячелло прекрасно понимает, что выглядит отлично. Еще разок пленяет меня темными глазами, поднимает бокал с водой и произносит запросто:

– Разумеется, будет. С днем рождения, Диана. Желаю, чтобы на твоём жизненном пути встречалось много открытых, позитивных и по-настоящему хороших людей. Чтобы дела в твоих руках горели и вдохновение не оставляло. Чтобы одиночество дарило отдых, но при этом всегда рядом были люди, которые при любых обстоятельствах выбирали бы именно тебя. А еще я желаю тебе любви.

Павел смотрит только на меня. Ничего особенного не делает. Сидит напротив в белой рубашке, которая ему так сильно идет. А у меня тахикардия вовсю. Он болтает что-то простое и банальное. Но мне нравится. Просто все, что происходит, нравится.

– Любви к мужчине, – добавляю, не сводя с него глаз.

– Да. Взаимной, разумеется. Страдания оставим жалким неудачникам.

– Прекрасно. Спасибо, – благодарю я и осушаю бокал залпом.

Приносят салаты, и мы с Павлом принимаемся за еду.

– Люблю этот ресторанчик, здесь вкусно готовят, – перевожу тему на более нейтральную. Подальше от взаимной любви к мужчине.

– Здесь хорошо, да, но скучно, – говорит Адомайтис.

– Что?

– Для обеда в самый раз, но для праздника слабовато. Есть предложение поехать куда-нибудь еще.

Глава 5

Интересно, сколько же у него женщин?

Я думаю об этом, пока мы едем в такси. А потом... когда замечаю взгляды, что бросают на Адомайтиса девушки в клубе.

Судя по словам Матвея, которые тоже нужно делить на два, если не на четыре, с постоянной подружкой Павел расстался под Новый год. Но ведь есть и те, кто параллельно.

Должны быть, иначе никак. Можно даже не рассчитывать на статус эксклюзивного партнера. У такого – обходительного, внимательного, симпатичного и адекватного – обязана быть целая группа поддержки.

Я склоняю голову набок. Вновь подношу к губам стакан с «Лонг-Айлендом», делаю глоточек и решительно заявляю:

– Это совершенно невозможно, Паш! Ты бредишь.

Музыка орет ой-ей! Но мы, забившись в самый дальний угол у барной стойки, умудряемся друг друга прекрасно слышать. Павел не пил алкоголь и не собирался. Но я уговорила. Это было мое условие, иначе бы мы никуда из «Бохо» не поехали. Там действительно слишком светло и официально.

Адомайтис опрокидывает очередную стопку текилы и назидательно поднимает палец. На мгновение закрывает глаза, борясь с головокружением. Это так смешно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не согнуться пополам.

– погоди, – подбирается он. – Но ведь все эти элементы в природе были и раньше. Разве нет?

– Да!

– Во-от.

– Боже, послал же боженька по мою душу мясника! Почему не какого-нибудь терапевта? Невролога или аллерголога!

– Эй! – возмущается Адомайтис, открывая рот не то пораженно, не то восхищенно.

– Твоих аргументов недостаточно, Паша! Полиолефины не могут просто взять и возникнуть в природе. Это категорически невозможно. Человек изобрел пластик. Не будет человека – пластик исчезнет во Вселенной и больше никогда не появится. Никогда на свете. – Я достаю мобильный и демонстрирую трубку Адомайтису, чтобы тот оценил масштабы возможной катастрофы. – Айфоны не растут на пальмах.

– Хорошо. Выходит, ты согласна с тем, что у нас есть определенные элементы. И в запасе сколько угодно времени. А если что-то хотя бы теоретически возможно и на это есть дохренион лет, то значит...

Да он издевается надо мной! Поит и дурит!

– Теоретически это совершенно невозможно! – возмущаюсь я. – Полиэтилен. Там молекула вот такенная! – Развожу ладони широко-широко, показывая впечатляющую длину.

– Она больше, Диана.

– Тем более. Да, больше. Его переработать-то капец как сложно, ферменты ее чикают. – Я изображаю пальцами, как именно, и прям прекрасно представляю выражение лица своего профессора, который учил меня не этому.

Господи, два бокала шампанского, второй «Лонг-Айленд»... И Диана режет пальцами длинные молекулы.

Павел чуть прищуривается, его рот растягивается в едва заметной улыбке, такой милой, что это обезоруживает и злит одновременно.

– И даже после расщепления куски остаются огромными. А ты хочешь, чтобы такую гадость природа сотворила. Есть вещи, которые невозможны. Смирись.

Адомайгис окидывает меня взглядом с головы до ног и обратно. Потом широко улыбается. Этот глупый спор явно доставляет ему удовольствие.

– Твоя категоричность, Диана, меня умиляет. Скажи еще, что никогда и ни при каких обстоятельствах не появятся бактерии, способные этот пластик, эту форменную гадость, жрать.

А вы о чем говорите на первом свидании?

Я открываю рот, а потом осекаюсь. Так нельзя. Это другое!

– Ну-у-у, – тяну я. – Чисто теоретически это не исключено. Пластика у нас сейчас валом. Валяется кругом. А все, что плохо лежит, рано или поздно будет съедено. Особенно если на это дать дохренион времени. Ну или поможет человек. Научит.

Павел делает знак рукой, дескать, вуаля.

– Научит? Типа... хорошая бактерия, взять!

– Типа того, – улыбаюсь я. – На самом деле было бы классно. Очень удобно. И не так стыдно перед матушкой-планетой. Хотя... получится, что мы опять ни фига не смогли, она сама справилась.

– Видишь, как все интересно складывается. Пластик появиться сам собой якобы не мог, но экосистема под него вполне может подстроиться и включить в цепь питания.

– Мне кажется, мы говорим одно и то же разными словами.

– Не исключено. Но мне нравится.

Я стреляю глазами вниз. На его пах. Потом на губы. Которые слегка приоткрываются. И шепчу, сводя брови домиком:

– Скажи, что ты пошутил. Умоляю тебя, скажи!

Адомайгис тянет время, а затем сдается и кивает:

– Ты победила. Я шучу.

– Ура! Ура! Ура!

– С днем рождения! – Он мне подмигивает, на что я тут же показываю ему язык.

Взгляд Адомайгиса резко становится серьезнее. Потом Паша расслабляется и добавляет чуть смущенно:

– Но зато теперь ты будешь знать, Ди, что у меня есть такая совершенно дурацкая, невыносимая и бесящая окружающих до трясучки привычка спорить ради спора. Если кто-то рядом абсолютно уверен в своем мнении, я могу влезть. Даже если в глубине души с этим человеком согласен.

– Ого, – говорю я, улыбнувшись. – Это странно, но мне нравится.

– Всю жизнь страдаю, – отвечает он.

Мы оба замолкаем. Сидящий рядом со мной красивый мужчина страдает всю жизнь. Ауч. Да еще и тема исчерпала себя. Либо новую начинать, либо уже... целоваться.

Музыка веселая, современная, модная. Вокруг люди ходят, танцуют, обнимаются. Время за десять перевалило уже. Ощущение интимности момента не оставляет ни на секунду.

Мы уже многое с Адомайгисом обсудили. И погоду, и город, и Европу, и университеты, которые рассматривает Матвей... Чуть не подрались из-за пластика.

У Павла меняется выражение лица, он вновь становится серьезным. И будто трезвым. Придвигается ближе. Меня обдает ароматом его туалетной воды. Что-то древесное и довольно резкое, в первые секунды раздражающее. Но затем, если подождать немного, привыкаешь и буквально растворяешься в этом запахе.

Я почувствовала, еще когда мы в такси ехали. Растерялась.

Сейчас почему-то тоже.

Мы ведь можем провести время вместе. Без подтекста. Просто поболтать, посмеяться, выпить.

Или этого будет недостаточно? Ему. Неужели он сейчас все испортит пошлым: «Поехали ко мне?»

– Диана... – начинает Павел, но я делаю знак рукой, останавливая.

– Я сейчас, – шепчу. Потом спрыгиваю со стула и сломя голову несусь в сторону дамской комнаты.

Перед зеркалом застываю на несколько секунд. Вижу свои глаза, немного испуганные, но при этом горящие, алчные.

У меня много месяцев никого не было. Я не планировала в монастырь уходить, само собой так вышло. Почему-то становится очень горько. Я зябко обнимаю себя руками. И вдруг снова ощущаю одиночество. Колочее, как злая шаль, в которую кутаешься, прячась от мира, но никак согреться не получается.

Представляю себе, что будет, если я поцелую Павла. Коснусь своими губами его. Почувствую аромат кожи ближе. Или позволю себя поцеловать, если Павел потянется. Я думаю об этом, и дыхание начинает рваться. По коже озноб.

Медленный вдох-выдох.

Так. Мне двадцать пять лет. Я, в конце концов, имею полное право переспать с мужчиной, даже если это ничего не будет значить! Просто потому что хочу.

Я не учительница в школе, поэтому за связь с братом ученика мне ничего не будет.

Фух!

Почему я вообще об этом думаю? Да еще и так много. С первой секунды, как мы наедине оказались.

Адомайтис похож по типу на принца. Высокий, милый, улыбка обалденная. Одет хорошо, от него пахнет резковато, но вкусно. Я бы, наверное, могла привыкнуть к этому запаху. Раз он Павлу нравится.

Нет. Попрошу вызвать мне такси, уже поздно.

Возвращаюсь в зал.

Гостей сегодня не так много, будний день, но все-таки прилично. Я стараюсь, несмотря на сдавшийся атаке алкоголя мозжечок, ни на кого не налететь. Вот уже передо мной барная стойка. Белая рубашка моего спутника.

А потом, прямо на моих глазах, к Павлу подходит девушка. Высокая, стройная. Длинные светлые волосы до талии. Маленькое черное платье, облегающее формы. Красивая.

Я, конечно, оделась просто потрясающе, но, увы, не для клуба. Мы с подружкой думали в ресторане поужинать и отправиться досматривать «Эмили в Париже».

Поначалу я хочу подойти, но потом зачем-то делаю шаг назад, намереваясь затеряться в толпе и понаблюдать за ними. Голова кружится от рома. Адомайтис сейчас номер телефона красотки запишет или еще что-нибудь.

Увижу это и спокойно поеду домой.

Павел поднимает голову, слушает, что говорит ему блондинка. Девушка при этом умудряется провести пальцами по его плечу, что отдается во мне неприятным горьким чувством.

А потом он ей улыбается. Широко и открыто. Боже! Это катастрофическая улыбка. Просто уничтожитель сердец.

Улыбается и отрицательно качает головой.

Блондинка что-то еще говорит, неловко рассмеявшись. Павел опять качает головой и произносит: «Нет».

Коротко и ясно. Одно слово. Никаких объяснений или оправданий. Никаких полутонов. Я отчетливо вижу единственное движение губ.

Она пожимает плечами и отворачивается. Павел вновь смотрит на бармена, потом утыкается в телефон. Оказывается, вот так категорично он тоже может.

Собравшись с силами и натянув на лицо беспечное выражение, я подхожу ближе. Пока отсутствовала, мое место заняла блондинка.

– А вот и ты, – говорит Адомайтис, спрыгивая с высокого стула и уступая мне свое место.

– А вот и я.

Королевой усаживаюсь и смотрю на него. Стоящего рядом.

– Я тут придумал кое-что, пока тебя не было, – сообщает он с такими наглыми интонациями, что только за них можно вклеить пощечину!

Мой рот почему-то наполняется слюной.

– Только не говори, что и здесь тебе скучно, – перевожу я в шутку, скашивая глаза в сторону. А где же весело? В кровати?

Наши глаза встречаются. Его... как будто темнеют. Павел быстро отводит их в сторону и рассеянно улыбается.

– Нет, – он тянется и говорит мне на ухо: – Всего лишь вспомнил одну старую шутку на эту тему из «Куджи» подкаста. Если бактерии начнут жрать пластик, то наши телефоны будут болеть.

Я широко улыбаюсь. Немного стыдно за собственные пошлые мысли. А потом подхватываю идею:

– Да. Новый айфончик, такая нямка! Сожрут за ночь! И экрана не останется! О, появятся пластиковые доктора, ведь технику придется спасать и лечить.

– Ебашить антибиотиками! – соглашается Адомайтис с энтузиазмом, потом закрывает ладонью рот, смутившись.

И я хохочу!

– Сколько там? Три стопки текилы, и на поверхность наконец-то выполз доктор-сквернослов?

– Гони его прочь. А если серьезно... Диана, может, все-таки потанцуешь со мной? – меняет он тему и тон одновременно.

Глава 6

Я аккуратненько отряхиваю его плечо, которое лапала блондинка. Адомайтис не понимает, смотрит вопросительно.

– Пылинка, – объясняю, маскируя позорно-ревнивый порыв. Минуту назад я собиралась валить отсюда, но если бы он увлекся другой, то никогда бы не простила. Да, со мной бывает сложно. – Вообще-то, мне уже пора, Паш. Или танцевать – это еще одна твоя традиция? Если хочешь – вперед, я подожду... Ай!

Павел демонстративно закатывает глаза, а потом совершенно по-настоящему стягивает меня со стула и ловит.

– Идем, хорошо будет, – говорит он покровительственно и как-то по-врачебному властно. Берет меня за руку.

Если доктор командует – ты слушаешься. Все это знают.

Делать нечего, повинуюсь. Сама смотрю под ноги, чтобы не навернуться. Голова приятно кружится.

Адомайтис находится нестерпимо близко.

Едва оказавшись на танцполе, он сжимает мою талию. Потом ведет пальцами по спине вдоль позвоночника. Мягко, осторожно, но мне и этого хватает.

Мозг плавится. Музыка здесь громкая, шутить и острить не получится. Приходится молчать и чувствовать. Я делаю робкий шаг вперед.

Его запаха становится больше.

Адомайтис вдруг притягивает меня к себе, заставляя резко вдохнуть и крепко обнять его за шею.

В таком положении он начинает неспешно вести.

Ауч. Что может быть сексуальнее медленного танца двух едва знакомых людей?

Которым трогать друг друга рано, целоваться рано. Если бы он полез вот так в машину обниматься или на улице – я бы вызвала полицию.

А под музыку можно. Красивая мелодия – прекрасное оправдание для моей залитой крепким алкоголем и потому заткнувшейся совести.

Я касаюсь кончиками пальцев его шеи, нащупываю две небольшие родинки, обвожу их нежно, заботливо. В ответ Паша как-то по-особенному медленно вздыхает полной грудью, что вызывает во мне ту самую дрожь.

Он чувствует мою реакцию и прижимает меня к себе на пару секунд. Сильно. Горячо. Затем послушно отпускает. Потому что мы воспитаны и живем в современном разумном обществе. Потому что, будь мы варварами, он бы уже тащил меня к себе домой, чтобы болтать не о пластике.

Но ему нельзя. Вот трогать во время танца можно, прижимать к себе – пожалуйста. А как музыка закончится – и это станет недоступным.

Наши глаза вновь встречаются. Слава богу, здесь достаточно темно, эмоции легко спрятать.

Я веду рукой по его затылку. У Адомайтиса густые короткие волосы, которые мне нравятся. Касаться их нравится.

Мы продолжаем двигаться. Провоцировать. Обострять.

Музыка обрывается. Следом раздаются аккорды чего-то отвратительно веселого. Я отстраняюсь и иду к барной стойке. Павел следует по пятам. Сердце колотится, пустоты в животе нет – там все огнем пылает, в узлы морские скручивается. Щеки горят.

Два года я живу как в монастыре. Но при этом не дурочка. Знаю, что дальше последует. Вдох-выдох.

Павел Адомайтис меня хочет. Это очевидно по языку его тела, по взглядам.

У меня, конечно, уже тысяча мыслей в голове. Мотаает от «не оставить ему свой номер» до «пригласить к себе на утренний кофе» по двести раз за минуту.

У мужчин обычно все до банальности проще. Я ему чем-то понравилась, он меня понюхал, потрогал, рассмешил пару раз.

Судя по всему, сказал фантазиям «да». Сейчас. Без всяких там «а если...». Без оглядки на мои намерения, на мой бэкграунд.

Я в его вкусе. Он это знает. Я это знаю. Он знает, что я знаю.

И теперь самое главное, чем он будет усиленно заниматься, – делать вид, что это не так.

Шутить, болтать. Думать о мертвых птенцах, о загрязнении планеты целлофаном, каких-нибудь внутренностях, которые он наблюдает на работе. Или что там еще Адомайтиса удручает.

Потому что у нас так принято. В нашем современном обществе.

Я прошу стакан воды у бармена и оборачиваюсь.

Павел подходит совсем близко, касается меня. Он уверенно чувствует себя в моей зоне комфорта.

Протягивает сотовый и, не спрашивая разрешения, платит, в очередной раз объявляя о намерениях.

Мое сердце колотится. И когда наши глаза опять встречаются, я прошу:

– Вызовешь мне такси?

Снегопад закончился. На улице довольно морозно, но при этом после горячего клуба и безумных мыслей – необходимо свежо.

Мы выходим чуть раньше, чем требует приложение такси, чтобы подышать. И побыть вдвоем, перед тем как попрощаться. Время близится к двенадцати, музыка сменилась на невыносимый клубняк, сделав нахождение на танцполе невозможным.

– Сказка! – Я окидываю восхищенным взглядом горы рассыпчатого белого снега, сверкающего в ярком свете фонарей.

Я немного оглушена после клуба. Мы с Пашей отошли чуть в сторону, чтобы не толкаться на входе.

Здесь тихо.

– Да, утром все это превратится в грязную кашу. Мы поймали особенный момент. Ты не против, если я покурю?

– Нет, – пожимаю плечами. – Не знала, что ты куришь. Весь вечер вроде бы нет.

– Нечасто, – отвечает Павел, доставая из кармана полупальто пачку.

Быстро прикуривает привычным движением. Я внимательно наблюдаю. Как втягивает в себя дым, как зажимает между пальцами сигарету. Это очень сексуально.

Облизываю губы, он замечает это и чуть прищуривается.

Ежусь.

На улице тихо-тихо. Он. Я. Горы снега. Дым из его легких...

– Замерзла? – спрашивает Павел, истолковав мою реакцию по-своему.

Приподнимает руку, приглашая в объятия. Пролетающая мимо спортинка разрезает воздух грубой матерной песней.

Он ждет.

Ладно. На нас куча одежды. Мы достаточно для этого пьяны.

Я подхожу ближе, и Паша обнимает меня. Прижимает к себе так сильно, что я улыбаюсь до ушей.

– Ай! Раздавишь! – возмущаюсь.

– Извини, – говорит он искренне, но тут же повторяет движение.

Я поднимаю глаза, мы смотрим друг на друга. Адомайтис отворачивается и крепко затягивается, выпускает дым в сторону над моей головой. И это тоже адски сексуально.

Наверное, такси скоро приедет. Осталась всего пара минут.

– Спасибо, что пригласила на день рождения, – произносит Павел хрипло. – Было приятно стать твоим гостем.

– Спасибо за шоколадку, – парирую я. – Было бы неловко после такого подарка отказать.

– Ненавижу эту заправку.

– Паш, – произношу загадочно. Потом серьезно. – Ты должен кое-что знать, только...

Я делаю паузу, наблюдая за тем, как пьяная беспечная улыбка сползает с его лица. Медленно и неминуемо.

Глаза вновь прищуриваются то ли от попавшего дыма, то ли от раздражения. Хватка рук становится сначала сильнее, затем значительно слабнет.

– У тебя есть мужик, угадал? Конечно, у такой славной. Как иначе? Вы поругались в хлам, но все равно потом помиритесь. Или он в какой-нибудь ебучей командировке?

Ауч. Но забавно, что Адомайтис об этом беспокоится.

– Не совсем. Я тебя обманула. Это не подруга перепутала ресторан, а я. Иногда я бываю рассеянной. Это злит и бесит окружающих людей.

– Фоу! Как на качелях вверх-вниз!

Я пожимаю плечами, скромно потупив глазки.

– Все умные люди бывают рассеянными, – быстро обнадеживает он.

– Вот как. Даже ты?

– Мне-то откуда. – Павел закатывает глаза. А потом улыбается. Снова легко, пьяно и просто обалденно.

Это один из самых лучших дней рождения в моей взрослой жизни.

Сигарета одиноко тлеет в его руке. Я снова приковала к себе все его внимание. Павел наклоняется, и мне хочется, чтобы он сделал это. Поцеловал меня. Коснулся губами, лизнул, опалил дыханием. На его языке смесь слюны, алкоголя и никотина. Взрослый вкус. Я хочу его попробовать.

Прямо сейчас... И правда качели. Фоу!

Вдалеке проносится та же самая машина, из которой басит так, что перепонки едва не лопаются: «Твоя сука хочет...»

Я испуганно вздрагиваю и отворачиваю голову в сторону. Павел обнимает крепче. Я чувствую его дыхание на виске. Потом ниже.

Вцепляюсь в его пальто и закрываю глаза.

Павел убирает мои волосы за спину и касается горячими губами холодной щеки.

Мир качается.

Губы скользят по коже.

Я чувствую поцелуй рядом с мочкой уха. А следом – как позорно возбуждение простреливает низ живота, концентрируя все внимание именно в той области.

Мои пальцы сжимают ткань его пальто до белых костяшек. Я невольно подаюсь вперед грудью.

Его губы опускаются ниже. Павел шумно втягивает в себя мой запах.

После чего срывается и начинает целовать шею. Трогать языком и губами одни из самых чувствительных точек на моем теле. Целовать жадно, смело и нагло. Послабляя самоконтроль. Капитулируя и признаваясь, что он тот еще варвар. И что ему до одури сейчас нужна я.

Он обхватывает губами, лижет, прикусывает. Оставляя после себя леденеющий на холоде влажный след. Я прижимаюсь теснее.

Павел втягивает в себя мою кожу, касается ее зубами. Я привстаю на цыпочки.

Мир переворачивается опять и опять. Я на какой-то карусели, бешеном секс-аттракционе. Чтобы не упасть, держусь за Адомайтиса, а он, видно, расценивает это как положительный ответ.

Удовольствие заполняет изнутри – в области шеи концентрируется жаром и растекается по телу. Внутри от нетерпения становится больно. А еще влажно там, внизу живота.

Павел просто ласкает мою шею, а я готовлюсь к нему. К его вторжению. Каждой своей клеточкой. Округляю глаза от осознания происходящего. Но это слишком приятно, чтобы останавливать.

Адомайтис находит руками мои пальцы. У него ладони тоже горячие. Он засовывает мои руки в свои карманы и греет. А сам все еще целует. Шею. Нравится ему, что ли? Маньяк, уже нет сомнений.

Павел... Паша обхватывает губами мочку уха. Лижет ее языком, господи.

– Я хочу тебя, – шепчет. – Дурею.

Рядом останавливается машина. Он отрывается от меня.

– Прости, – говорит быстро. И смотрит в ожидании. Глазами не то пьяными, не то безумными.

Это кажется наглым, я ощущаю, что растерялась. Адомайтис считывает мою реакцию абсолютно правильно. И моментально врубает заднюю:

– Я зря. Диана, извини, пожалуйста. Я не собирался.

Я качаю головой и иду к машине. Шея горит огнем. Она пропитана его слюной, его похотью.

В ушах бахает тихое: «Я хочу тебя».

Максимально сексуальное, что я только слышала в своей жизни.

Глава 7

Трель айфона в семь утра насквозь прорезает сознание тупой бритвой. А затем лопают нервные клетки, как игла – шары воздушные.

– А-а-а! Ненавижу! Да чтобы тебя бактерии сожрали, чудовище! – ругаюсь я, выключая будильник. – Ни винтика не оставили!

Утыкаюсь лицом в подушку и разрешаю себе жалобно застонать. Ударяю кулаком по матрасу.

Маньячелло-Адомайтис словно стоп-кран сорвал. Мало того что домой я вернулась за полночь и пьяная, так еще и оставшиеся для мирного сна часы о нем думала.

Помыться как следует сил не хватило. Я наскоро приняла душ, почистила зубы, разумеется, сделала трехступенчатый уход для лица, а потом завалилась спать.

Мои волосы пахли им. Резкой туалетной водой, которая, если привыкнуть, начинает нравиться. А еще никотином.

Я всю ночь купалась в этом запахе и вспоминала, как целовал. Его похоть покалывала мне кожу, давила на грудь, грела низ живота. Я кружилась на карусели с беспечной улыбкой, предвкушая продолжение. Безумие.

Когда твой бывший мужчина, человек некогда самый родной и близкий, предает, черту переступая. Когда затем ваши общие знакомые на тебя смотрят с легкой и едва различимой навязчивой улыбочкой. Когда в университете студенты отвешивают комплименты. А твоей маме якобы подружки наперебой звонят и сочувствуют...

Сдохнуть хочется.

Папе-то, конечно, не осмеливались вякнуть. Там за один намек можно кулаком в глаз получить. Но не могла же я остаток жизни за спиной папули просидеть? Даже с учетом того, что он был бы только рад этому.

Мысли в голове тогда начали бродить, что никогда, никому, ни за что... Я на самом деле очень стыдливая девушка, хоть и в себе уверенная. Эти два качества прекрасно сочетаются, хотя многим данный факт может показаться сомнительным.

Студенты в университете, если начистоту, отнеслись лучше всего. Да, глазки строили и намекали, комплименты щедрые отвешивали, но это была хотя бы естественная реакция. Коллеги же на кафедре тайком шушукались и посмеивались – вот что действительно гадство.

Воспоминания будят получше будильника. Их, увы, даже в отдаленном будущем не сожрут голодные микроорганизмы. Память сама может сожрать своего носителя. Запросто.

Я милостиво прощаю айфон и проверяю сообщения – пусто. Последнее от Вики: «Ок, пьянь». В ответ на мое: «Дома, жива и здорова».

Паша вчера довольно невозмутимо сел в мое такси. Я гордо – на переднее сиденье, он позади. Я тут же пожалела: можно было еще минут пятнадцать смело флиртовать и глазки строить.

Адомайтис проводил до подъезда, номер телефона взял. Рыцарски постоял у машины, пока я не написала, что в безопасности. После чего уехал. И пока тишина.

Что ж... Только начало восьмого, может, он еще спит?

Я отрываю голову от подушки и плетусь в ванную. Будущее химии и медицины само себя к экзаменам не подготовит.

В начале девятого я уже выхожу из дома, чтобы глотнуть морозного воздуха и чуть не поскользнуться на крыльце.

Пару минут стою возле засыпанной снегом «Ауди» и размышляю, что лучше: поднатужиться и почистить крошку сейчас или же взять такси, чтобы потом страдать вечером, дожидаясь машину бесконечно долго. Может быть... меня заберет с работы хирург?

– Дианка, привет! – доносится до меня приветливый голос Жени, прерывая цепочку размышлений.

Я прикусываю губу и опускаю глаза. Этого еще не хватало!

Евгений Воронов – еще один мой сосед, который по совместительству является двоюродным дядей Вики. У нее мы и познакомились однажды.

Жене тридцать пять, у него три овощных магазинчика, стрижка под ноль, располагающая улыбка и легкий нрав. Ужасно, просто невыносимо неуютно, когда он начинает за мной ухаживать! Ответить взаимностью не получается, а дурить хороших парней – не в моих правилах. Вика передала ему, что после тяжелого разрыва я не готова к отношениям. Женя отступился. Но дружить у нас не выходит. Навязчивая идея, что он ждет знак, не отпускает.

– Привет, Жень! – отвечаю весело. – Ты сегодня рано.

Довольно долго я работала во вторую смену, и мы выходили из дома в одно и то же время. Каждый божий день. Было некомфортно. Пришлось поменять расписание.

– Да, много дел. Помочь? – спрашивает он, кивая на щетку. Улыбается.

– Я, наверное, такси возьму... На ней прям шапка.

– Дай мне минуту и отойди подальше, женщина, – командует Женя, забирая у меня щетку и приступая к работе.

Сметает под ноги снег, а вместе с ним и мои робкие планы вечером вновь погреться в тачке хирурга.

Появляется неприятное чувство, что я что-то должна Жене. Начинает щекотать совесть. В последний раз я испытывала подобное, когда он взялся приносить мне свежие дорогие фрукты. Было так вкусно и так неудобно!

– Как дела? Как день рождения? Вика говорила, у вас девичник.

– А, да. Типа того. Было довольно весело. Но утро оказалось жестоким.

– Мне помогает пивко, а потом крепкий кофе.

– Я не могу пивко, я же в школе работаю.

– А я могу. Плюсы работы на себя.

Следует пауза. Я переминаюсь с ноги на ногу.

– Снега столько ночью выпало! – нарушает молчание Женя.

– Да, не говори, – продолжаю интересный разговор, теперь о погоде.

– Представляю, какие колеи. Как бы не занесло в повороте тебя. Могу отвезти. А потом забрать. Напиши только заранее время.

– Спасибо, Жень, я хочу еще в пару магазинов заехать. Ты очень мил.

Сажусь в машину, прогреваю. Когда Женя показывает знак, что готово, искренне благодарю его, посылаю мысленно сто очков в карму. И давлю на газ.

Припарковав машину у школы, вновь беру мобильный. Провожу по экрану. Пусто.

«Лонг-Айлендами» Адомайтис меня напоил, а про самочувствие наутро спросить, видимо, постеснялся. Что ж, жаль. Он действительно мне понравился.

Семерка тает, съезживается. Трансформируюсь в пятерку.

Снова пятьдесят на пятьдесят, в общем.

Ближе к обеду я беру тайм-аут и уединяюсь в комнате отдыха с чашкой капучино и печеньем. Спать хочется страшно. Листаю сообщения – новых нет. У меня закрытый аккаунт в соцсети. Со вчерашнего дня никто в друзья не добавился.

Настроение почему-то стремительно портится. Капучино с сахаром имеет какой-то не тот вкус, а печенье и вовсе остается нетронутым.

Я откладываю мобильный экраном вниз. Делаю глоточек. Веду пальцем по шее. Там, где Павел целовал. Глаза закрываю. Приятно ведь было. Так приятно, что голову потеряла! Стояла на морозе и позволяла. Дышала жарко, прерывисто. Чувствовала, как сильно он хочет, и млела. Качаю головой. Утром Адомайтис не написал ничего. Вообще.

Потираю несчастную шею. И впервые думаю о том, что, может, ни я, ни шея моя ему просто... не понравились?

В этом, конечно, нет ничего страшного. Тысячи людей каждый день ходят на первое свидание, и далеко не всегда оно удачное. Я давно не в строю, вот и расклеилась. Павел вчера ухаживал, старался очень, иногда даже слишком. Это было мило, мне казалось, что искра пробежала.

Или нет.

Телефон пищит, я подхватываю его так резво, что ненавижу себя. Жадно смотрю на экран. Там сообщение от Вики:

«Как там наш вчерашний хирург?» И куча смайликов.

«Никак. Молчит». Ставлю в конце точку, что передает мое настроение на сто процентов.

«Вообще молчит??? Совсем?»

«Совсем».

«Может, он номер твой неправильно записал?»

«Он дозвон вчера сделал. Да и мог у Матвея спросить. Знаешь, было бы желание».

«Странно. А он точно доехал домой? Может, случилось что-то... и он того? Помер?»

«Если бы».

«Странно».

«Вика... Ты прекрасно знаешь, что если мужик хочет, то возможность найдет даже с того света. Просто, видимо, я ему не понравилась. И шутки мои пластиковые тоже. Или...»

Так и отправляю сообщение, не в силах дописать.

«Что “или”?»

«Фотки мои нашел. Ну, те».

«Если бы он те твои фотки нашел, то уже с цветами стоял бы у порога на коленях. Как этот, как его... аспирант из твоего универа».

«Бр-р, не дай бог. Ладно, мне пора. Скоро ученики придут».

«Его брат сегодня будет? Вкати ему кол!»

«Нет, он пн-ср-пт».

А сегодня четверг. Четверг моих разбившихся надежд и унылого похмелья.

Глава 8

К шестому уроку я ощущаю приятную усталость, небольшое онемение языка и состояние, чем-то напоминающее дзен. В общем, созерцаю мир спокойно и без лишних нервов, которые все до последнего вымотали школьники.

Следующие полтора часа занимаюсь с очень хорошей девочкой индивидуально, после чего подхожу к окну и смотрю вниз. На улице безлюдно, темно и пасмурно. Выпавший вчера снег тщательно утрамбован машинами, сметен в серые, покрытые льдистой коркой кучи.

Достаточно уныло. Даже фонари не способны создать романтическое настроение. А еще на улице холодно. Очень. В Сибири зимой снегопад означает потепление, вчера и правда было замечательно. А сегодня снова сильный минус. И на душе от этого тоскливо.

Я сжимаю сотовый, а затем вдруг беру и пишу Паше:

«Привет! Это Диана, которой двадцать пять лет. Хотела узнать, с тобой все в порядке? Обещал написать и пропал. Может, твой телефон стал чьим-то обедом? Или ты? Волнуюсь».

Отправляю. Фух. Перечитываю. Что ж, достаточно мило и остроумно. На мой вкус.

Включаю автопрогрев и потихоньку собираюсь домой. Мучает голод. Об ужине я вчера не думала совсем, а готовить сейчас нет ни сил, ни настроения. Закажу, наверное, роллы. Потому что второе свидание мне явно не грозит.

С этими мыслями я спускаюсь на первый этаж, набирая сообщение Вике: «Роллы да/нет/ умоляю!»

– Диана Романовна, – окликает меня Яна, замечательная девушка с ресепшена. Подзывает жестом.

– Ключи оставила Марии Арсеньевне, – быстро объясняю ей. – Она как домоет класс, принесет. Я уже поехала домой.

– К вам пришли.

Не успеваю я обрадоваться, как Яна быстро добавляет:

– Женщина чуть за пятьдесят с черными волосами. Представилась Любовью Никитичной. Сказала, по личному делу, не терпящему отлагательства. Но вы занимались с Луизой, и я не стала отвлекать.

Обучение в нашей школе может позволить себе далеко не каждый, а за свои немалые деньги что дети, что их родители ждут результат. Поэтому не в наших правилах прерывать занятия из-за гостей, разве что-то совсем срочное случилось, например, пожар или наводнение.

Улыбка сползает с моего лица.

– Она ждет в приемной, – кивает Яна.

Едва я думаю о том, как бы проскользнуть незамеченной к шкафу, а затем и на улицу, дверь открывается – в фойе заходит женщина в расстегнутом красном пуховике. Та самая. Моя несбывшаяся свекровь. Как несбывшийся кошмар.

– Диана, дорогая, здравствуй! – восклицает она, цепко оглядывая меня с ног до головы.

Выгляжу я прекрасно, и ей это не по вкусу.

– Добрый вечер. Чем обязана, Любовь Никитична? – говорю сухо и нейтрально.

Вообще, от этой женщины можно ожидать чего угодно. Однажды она расцарапала лицо моему отцу и чуть не укусила его за ухо.

К счастью, рядом Яна и охранник Валера, который зорко наблюдает за нами.

– Поговорить нужно, Дианочка, девочка моя. Ты трубку не берешь, пришлось за столько километров ехать...

– Хорошо. Говорите.

– Наедине.

Я мешкаю, бросаю взгляд на Валеру. Тот офицер в запасе, надежный дядька, напрягается и кивает. Давая понять, что держит руку на пульсе.

Приглашаю женщину в приемную. Здесь мы обычно проводим родительские собрания. Чуть дальше расположен кабинет директора.

Чай-кофе умышленно не предлагаю. Хочу скорее начать и закончить.

– Присядем? – спрашивает Любовь Никитична.

– Спасибо, но я бы хотела быстрее отправиться домой. Если честно, не понимаю, зачем вы приехали. Я же просила не преследовать.

– Диана, Сережа снова остался без работы! – всплескивает она руками. – Я кручусь как белка в колесе. Нужно кредиты платить... Ты ведь жила в его квартире бесплатно. Ни рубля за все время не потратила.

– Платила же, – замечаю рассеянно.

Мы с Сергеем недолго прожили вместе, все доходы делили пополам.

– Сущие копейки! Ну ты же добрая девочка, что было, то прошло. У тебя хорошо все. Вон в каком центре работаешь, ладная, ухоженная. Волосы блестят. Сейчас в машинку свою теплую сядешь и поедешь. Сделай доброе дело для очистки совести. Прости моего сына. Нам очень тяжело, мы не справляемся.

– Я работаю по десять часов в день. Сергей тоже может пойти на вторую работу.

– Если бы это было легко! – с жаром заявляет Любовь Никитична.

– Возможно, ему стоит переехать в другой город, как и мне.

– Чтобы совсем без связей? И кем он устроится? Каменщиком?

– Я же без связей, – развожу руками.

Она прищуривается и окидывает меня брезгливым взглядом, от которого волоски дыбом.

– А то ты не знаешь, после чьего звонка его уволили! Папаши твоего!

Качаю головой. Вот оно, снова начинается.

– Сережа пять лет посвятил своему делу, а ваша семья по щелчку пальцев его жизнь перечеркнула!

Дело жизни Сережи – это магазин бытовой техники, в котором тот работал сначала консультантом, затем главным менеджером. Да, его уволили после того, как мой отец подал в суд. Мы выиграли дело. Сергея крупно оштрафовали. А как он хотел? Обижать девочек?

– Я ничем вам помочь не смогу. Вы зря приехали.

– Вот сука! – начинает Любовь Никитична громко, взмахивает руками и встает в позу. Готовая скандалить, ругаться и орать.

Первый год наших отношений с Сергеем мы с этой женщиной обожали друг друга. Кто бы. Мог. Вообще. Блин. Подумать?!

– Вырядилась в тряпки, посмотрите на нее! Блузочка, брючки, пиджачок! Ведет себя как королевишна! А душа гнилая!

– Ваш сын решил опозорить меня на весь мир. А вышло, что опозорился сам.

Я направляюсь к выходу, открываю дверь и выхожу в фойе. Валера тут же подходит. Достает из шкафа и подает мне экошубку. Я улыбаюсь приветливо, но пульс частит. Снова нервы, снова предистеричное состояние, которое я так часто у себя находила в то время.

– Валер, пожалуйста, проводи женщину и проследи, чтобы ее больше не пускали. Народ нам распугает только.

– Конечно, Диана Романовна.

– Извинилась бы хоть! Хорошему парню жизнь попортила и вид делает, что все в порядке! Да твою задницу и без того весь город...

– Пройдемте! – гремит Валерий так, что даже я вздрагиваю.

Любовь Никитична замолкает. А потом, уже напоследок, ближе к дверям, выпаливает:

– Прости ты ему этот штраф! Для тебя это так, на колготки! А для нас сумма неподъемная!

Я смотрю под ноги. Штраф назначил суд, я к этому не имею никакого отношения. Судья посчитал, что моей чести и моему достоинству был нанесен урон, и оценил его в кругленькую сумму.

Дверь хлопает. Яна смотрит на меня удивленным взглядом.

– Сумасшедшая какая-то, – пожимаю я плечами и улыбаюсь. – Не буду брать ее сына под крыло.

Валерий провожает меня до машины, благо это недалеко.

И надо отдать Сергею должное: он оставил меня в покое сразу же. А вот мама его... с ней оказалось сложнее. Все эти два года она нет-нет да появляется на горизонте. Сильно их семье не хочется выплачивать штраф. Каждый раз, когда деньги на карту поступают, их тут же программа списывает.

«Я буду как обычно», – присылает сообщение Вика.

От Адомайтиса снова ничего, даже не прочитано. А мне горько! И хочется прижаться к сильному плечу. Глаза закрыть и услышать, что все будет хорошо!

«Закажи тогда. Я еду», – быстро печатаю. Ужин с подругой – это то, что мне сейчас нужно.

Пока веду машину, еще раз прокручиваю в голове свидание. Пытаюсь мыслить позитивно. Ладно. Пусть Павел больше не позвонил. Пусть я ему не понравилась. Главное – это что я отлично провела время! Вкусно поела, посмеялась, даже потанцевала. Позволила себе флиртовать. Возможно, этот ужин-свидание был послан мне, чтобы я вновь начала чувствовать? И позволила себе заинтересоваться кем-то.

Вика приходит сразу после курьера. Мы ужинаем, обсуждаем ситуацию, после чего прощаемся и расходимся по квартирам.

Впереди новый сложный день. А мне еще предстоит поездка домой. Я взяла билеты на поезд на поздний вечер, чтобы рано утром уже быть у родителей.

Утро начинается почти как обычно. Я просыпаюсь на пятнадцать минут раньше и успеваю почистить машину до того, как на улицу выходит Женя. Остается только улыбнуться ему и помахать, неловко пожав плечами. Тот демонстративно разводит руками и качает головой. Столько месяцев молчал, а тут активизировался.

Мужики чувствуют, что ли, когда у девушки появляются мысли о другом?

Занятия отвожу одно за другим. Матвей, к слову, старается с большим рвением, ведет себя прилично и даже скромно. Веселый, бодрый. Если бы с Павлом что-то случилось, он бы сказал, наверное. О брате ни полслова, с моей стороны тоже ничего провокационного. Мы оба увлечены химией. Нарочито избегаем личных тем. Кажется, Адомайтису-младшему... неудобно передо мной.

В Сети Павел был сегодня утром, а сообщение так и осталось непрочитанным. Распрощавшись с Матвеем, я беру телефон и печатаю:

«Можно было хотя бы ответить. Загаситься – настоящий мужской поступок. Всех благ тебе».

Нажимаю «отправить» и вмиг ощущаю, что отболело.

В конце дня становится легко и хорошо. Я вновь еду домой – уставшая, но довольная. Жизнь вошла в прежнюю колею, больше я не жду сообщений от хирурга. Любовь Никитична права: у меня действительно все нормально. Грех жаловаться.

Припарковываю «Ауди» и спешу домой. Но не успеваю дойти до подъезда, как меня окликают.

– Диана!

Наверное, показалось.

Я продолжаю путь, стараясь не поскользнуться в полумраке на застывшем буграми льде.
– Диана, подожди! – звучит уже ближе. – Ждал и чуть не пропустил тебя! Две минуты!
Я медленно моргаю и наконец, собравшись с силами, оборачиваюсь.

Павел Адомайтис! Идет в мою сторону! От своего «Спортейджа»! А-а-а!

Почему-то по коже мгновенно прокатывается жар, пульс частит. Я злюсь на Павла.
Сильно. Смотрю на него и краснею.

Спокойно, Ди. Эту страницу мы перелистнули. Вот буквально недавно.

Серьезный такой. Решительный. Ни намек на улыбку. В руке сжимает большой букет белых лилий.

Два дня ничего! А тут с цветами!

Я бросаю жалобный взгляд в сторону подъезда. Признаю себя тряпкой и остаюсь ждать.

Глава 9

У меня, вообще-то, отболело уже. Поздно. Где ты вчера был?

Смотрю на хирурга, и сердце предательски пускается вскачь. У сердца, видимо, другое настроение, ему в монастыре наскучило. Говорят, секс и прочие романтические волнения – неплохая кардиотренировка. Сердечной мышце необходимы регулярные нагрузки, которые я давным-давно не обеспечиваю.

Адомайтис тем временем покидает парковку и останавливается напротив меня в нескольких метрах, пропуская разделяющую нас машину. Которой по закону подлости оказывается внедорожник Жени! Загораживающий пешеходный переход полностью.

Евгений не глушит двигатель. Опускает окно и говорит мне:

– Привет, Диана! С работы?

Глаза Адомайтиса прищуриваются. Он определенно зол, и сейчас мы с Женей вроде как дровишки в костер подкидываем.

– Да-а, – тяну я слегка истерично, наблюдая, как хмурится и без того насупленный хирург. – Привет, Женя. Ты дорогу загораживаешь. Там человек, кажется... перейти хочет.

– Я быстро. Такие апельсины вкусные привез в этот раз. Хочешь? Могу занести. Завтра, например.

– Я к родителям поеду. Давай потом созвонимся? Я бы купила пару килограммов позже.

Женя очень милый, и мне ужасно стыдно, что переживаю я сейчас только об одном: вдруг Павел уйдет? Обойти машину не так просто: слева и справа от перехода кусты. Но Адомайтис и не думает признавать поражение. Он все же огибает автомобиль и, увязая по колено в снегу, подходит ко мне.

– Привет, – говорит быстро, прерывисто.

Высокий такой, я и подзабыла. Смотрю снизу вверх.

– Привет.

Адомайтис демонстративно поворачивается к Жене. Тот смотрит на хирурга.

– Рада была видеть, Жень! – Я делаю взмах рукой, прощаясь. – Езжай, там уже подпирают.

– Да, поищу свободное место. А то все занято, – цедит в ответ бизнесмен и стартует.

– Ого-го, – недобро усмехается Павел. – Я надеюсь, это твой ревнивый брат?

– Сосед. И по совместительству главный поставщик сезонных овощей и фруктов.

– Понял.

Я бросаю робкий взгляд на цветы. Очень, конечно, хочется этот букет лилий, и я широко улыбаюсь, когда Павел протягивает его мне.

– Спасибо. Красивые. Тяжеленькие.

– Хотел еще раз извиниться, – говорит он вновь прерывисто, отстраненно. – Если напугал или обидел. Я замечательно провел время. И переживал, что ты... нет.

Переживал... Слово это особенное, мы не переживаем за тех, кто безразличен.

– Не стоит извиняться, все в порядке. Но мне приятно получить цветы, – мягко говорю я, опустив глаза и мучительно вспоминая, не назвала ли этого обходительного мужчину в прощальном сообщении каким-нибудь мудаком. Например, последним.

Не выглядит он таким. Вот хоть убейте! Злым, немного растерянным – да. Но не подлым. Хотя еще утром я именно так об Адомайтисе и думала. В глаза сейчас смотрю, и ноги подкашиваются.

Они, глаза, у Павла, кстати, усталые. Это заметно даже мне, знающей его совсем мало.

В ответ на мою благодарность он как-то весь подбирается. Спину выпрямляет. Хмурится и произносит суховаато. Так, знаете, с налетом официальности:

– Диана, я освободился только. Приехал вот как есть. Просто хотел поблагодарить тебя за отличный вечер. Все дежурство вспоминал наши шутки и улыбался. Если переборщил в конце, если ты не настроена – я больше не буду лезть.

– Ты голодный? – спрашиваю я.

– Что?

– Выглядишь раздраженным. Обычно люди такие на голодный желудок.

– А. Я такой всегда.

– Нет.

– Может, как-нибудь сходим в кино? – предлагает Павел. На меня смотрит. – Убедишься.

Я же... стою с этими лилиями, слушаю, не совсем понимая, что именно происходит и о чем мы спорим. Подгибаю пальцы ног – на улице по-прежнему мороз. Я одета, чтобы до машины добежать, а не стоять полчаса на снегу.

– Можно в кино. А может... ты меня не так понял?

Павел задумывается, потом произносит чуть живее:

– Ты мне нравишься. И я хочу большего. Настаивать не стану, но и скрывать глупо. Времени на игры у меня и нет особо. Говорю как есть. Было бы иначе – не поперся бы после полутора суток на ногах первым делом в цветочный. Если мое внимание тебе неприятно, так и скажи.

– Ты точно голодный, Паш. – Я качаю головой с легкой улыбкой.

Его грубая прямолинейность кажется отчего-то трогательной.

– Так что насчет кино? Я завтра работаю, – напоминает он резковато.

– Я уезжаю на все выходные.

– А, – теряется Адомайтис, явно расстроившись.

Ауч. Мне вдруг не хочется с ним прощаться до вечера понедельника. И вообще не хочется прощаться.

Заглядываю в его уставшие глаза.

– Тогда я позвоню? – предлагает он. Словно делает последний рывок.

– Я думала, ты еще вчера это сделаешь, – отвечаю робко, тихо. Потом добавляю, чтобы поддержать его: – Надеялась.

Сердце колотится. Мы смотрим друг на друга. После чего Паша пожимает плечами и выдает запросто:

– Вообще-то, я звонил.

– Видимо, не мне.

– Тебе. Раз десять. Ты трубку не взяла ни разу. Ну и я подумал, что ошибка оказалась фатальной.

– Если бы ты звонил, я бы заметила. Это точно, Паш, – говорю как-то совсем тихо. Смутившись. Я ведь не могла его в бан случайно кинуть?

Павел хмурится сильнее, раздражение в нем нарастает стремительно.

– Я его убью тогда.

– Кого?

– Матвея. Я телефон разбил, – разводит он руками, – когда из такси выходил у дома. С работы Моту позвонил, он твой номер продиктовал. Если пошутил таким образом... вот гаденьш. Понятно, что он злится на меня, но такое отношение переходит все границы.

Я округляю глаза.

– Так ты с рабочего звонил? А какие там цифры последние, помнишь?

Быстро достаю мобильный, снимаю блокировку.

– Эм... Ноль восемь шестнадцать. Это ресепшен моей клиники. «Айрис». И ноль семь двадцать, это зам.

Я листаю звонки. Двенадцать. Двенадцать пропущенных за полтора дня! Да он помешался!

На мне.

– А. Ясно. Я не беру трубку, если звонят с неизвестных номеров. Зря не сказала тебе в среду.

– Никогда?

– Никогда. Если ты в шоке от моих странностей, то можешь уйти под предлогом того, что устал после дежурства. Я сделаю вид, что поверила. И больше не буду ждать звонков.

– Вообще-то, я и правда устал. Но... ты ждала? – Паша наконец улыбается. Впервые за вечер.

Мы смотрим друг на друга. Долго. И ощущение такое, что нам никогда это не надоест. Всю ночь можем в гляделки играть. Мир взрывается романтикой. Павел качает головой.

– Прости. Я такой олень.

У меня замирает в груди.

– Это ж надо было так закосячить первое удачное свидание! Знаки твои не разобрал. Потом телефон разбил. В ремонт утром завез, но его, как оказалось, не спасти. Включается, но экран не работает.

В подтверждение слов Павел достает из кармана коробочку с новым айфоном.

– Это мне? – улыбаюсь я широко.

– Эм. – Адомайтис на мгновение мешкает, потом протягивает. – С днем рождения.

– Я пошутила. – Игриво касаюсь его пальто рукой. Поглаживаю.

Как у него это получилось? Все мои сомнения – просто вдребезги!

Паша улыбается. Намного смелее. Двенадцать пропущенных от него... Он мне тоже дико понравился, но при этом на два текстовых сообщения.

Да ты стопроцентный псих!

– У тебя модель получше, я запомнил. Врачи столько не зарабатывают.

– Даже те, кто на износ трудится в частной клинике «Айрис»?

– Я пока больше ассистирую. Мобильный после смены заехал купил. Сейчас буду включать. А ты решила, что я тебе не звонил и не писал? Серьезно? – Павел приподнимает брови, и я смущаюсь.

– Да. Прости. Я накатала тебе парочку злых эсэмэсок.

– Да ладно! Не терпится прочесть. – Бесподобная улыбка растягивает его губы до ушей.

Я вдруг понимаю, что должен быть какой-то подвох! Не может Адомайтис быть таким идеальным. Просто не может! Где? Где спрятаны тайная жена и дети? Кредиты, долги? Алкоголизм, игромания? Не могла я просто встретить хорошего парня и так сильно понравиться ему!

– Паш, давай ты сейчас включишь телефон,ставишь симку и дашь сотовый ненадолго мне.

Он качает головой:

– Ни за что.

– А я за это чаем напою. Блин, блин! – сетую я, понимая, что мы снова флиртуем.

Павел бросает взгляд мне за спину.

– Сосед спешит к нам, – говорит он. – Познакомишь?

– Давай лучше на чай? – слышу свой голос.

– Если только ненадолго. Я не спал две ночи.

– Про долго и речи не идет, у меня поезд через пять часов. Ты поешь, побреешь. Все мои стыдные сообщения разрешишь подчистить.

Открываю замок и захожу в подъезд. Павел не отстаёт.

– Ни за что. Сохраню их на память.

– Может, я тебе что-то лучше напишу потом?

– Например?

Я нажимаю на кнопку вызова лифта, понимая, что мне дико нравится флиртовать с Адомайтисом. Не могу остановиться.

– От тебя тут многое зависит. Например, спасибо за цветы. Или...

– Или? – переспрашивает он. Подходит вплотную.

Я оборачиваюсь, и Павел обнимает меня. Крепко. Нагло. Совершенно бессовестно и недопустимо! Вместо того чтобы оттолкнуть, поругать или хотя бы просто возмущенно пискнуть, я закрываю глаза и улыбаюсь. От него очень, просто очень вкусно пахнет. Морозно, резко. А еще веет усталостью и какой-то простой и уютной открытостью.

Его дыхание касается моего виска.

Двери лифта разъезжаются. Мы вдвоем заходим в железную коробку.

Глава 10

Жарко.

Я расстегиваю шубу, Павел – пару пуговиц на своем пальто. Смотрит на меня. Не отрываясь. Видимо, он флиртует так. Взгляд пронзает стрелой, будоражит. Если бы я все еще с Сережей в отношениях состояла и на меня вот так мужчина посторонний посмотрел, Сергей бы набил ему морду.

Если бы Паша так смотрел на другую, я бы ногти сгрызла от ревности.

Чтобы не кинуться ему на шею и не попросить о поцелуе, решаю попытаться в шутку свести ситуацию:

– Значит, «Айрис». Ведущая офтальмологическая клиника в регионе.

– Так точно.

Он подходит на шаг, упирается рукой в стену и нависает надо мной. Самоуверенный, голодный во всех смыслах. Губы мгновенно пересыхают. Я пялюсь на него, как попавшая в силки дичь. Руки заняты подарком.

Крутая частная клиника. Вот откуда хорошая машина, одежда. Целеустремленный, жадный до карьеры.

– Буду иметь в виду, – отвечаю с улыбкой.

– Велком, – произносит Павел запросто.

– Позвоню тебе, когда мне понадобится блефаропластика, – добавляю беспечно, прекрасно зная, что хирурги «Айрис» берутся за самые сложные случаи, возвращая людям зрение. – Скидку сделаешь?

– Я надеюсь, мы все-таки созвонимся пораньше.

Двери лифта разъезжаются, я ловко проскальзываю под рукой Паши. Прижимаю к себе цветы; букет тяжеленький, но и отдавать его даже ненадолго я не собираюсь. Шарю в сумке в поисках ключей.

– Пораньше вряд ли. Зрение у меня отличное, в детстве много черники ела.

– Черника тут ни при чем. Скажи спасибо генетике.

– Здрасьте! Родители, что ли, зря в меня ее впихивали стаканами?

Павел посмеивается.

– Я тебе не верю. А вот в силу черники – да! В шестом классе у меня резко начало зрение портиться – отец купил два ведра, мы под завязку забили морозилку. Как видишь, помогло.

Я достаю ключи и победоносно показываю их Паше.

– С таким же успехом можно верить в обратное зелье Гарри Поттера. Степень реализуемости сходная, – парирует за спиной хирург отвратительно назидательным тоном.

– Ах вот так?! Скажи еще, что упражнения для глаз не помогают!

– Скажу, конечно.

– Ну вот где ты был раньше... – тяну я, справляясь с замком.

Открываю дверь и застываю на пороге.

Потому что весь пол в воде!

– Ауч! Что это?! Откуда? Когда я уходила утром, так не было!

Быстро снимаю ботинки, но Паша хватает меня за талию, останавливая. Вообще, судя по всему, не упускает ни единой возможности коснуться.

– погоди. Электричество вырублю.

Он открывает щиток, тыкает там какие-то кнопки.

– Проверь, не кипятик ли.

Я приседаю и касаюсь рукой. Холодная. Киваю ему и бегу в ванную. Шлеп-шлеп. Вот невезуха! Весь мир против нас сговорился! То телефон у Адомайтиса сломался, то у меня потоп. Поспешно перекрываю воду. В санузле сухо – значит, беда не там случилась.

– Паш, езжай домой тогда, – говорю разочарованно. – Я вызову сантехника и приберусь тут. Романтический ужин откладывается.

Выхожу в коридор и вопросительно упираю руки в бока. Потому что хирург частной офтальмологической клиники, ведущей в регионе, снял ботинки, носки тоже. Закатал джинсы и стоит сейчас в воде. Деловито вешает пальто на крючок.

Поворачивается ко мне.

– Что стоишь? Ведро, тазик, тряпку тащи. Я поищу пока, откуда течет.

– Двенадцать пропущенных. Ах да, – подкальываю его я, усмехнувшись. Открываю кладовку.

Нахожу ведро, совок, тазик... и мы включаемся в работу, оживленно болтая обо всем подряд. Первым делом убираем воду, потом Паша исследует кухонный гарнитур и находит пробойну – треснула колба в фильтре. И вода, судя по всему, весь день тихонечко лилась, пока не затопила кухню и коридор.

– Как же так-то! – возмущаюсь я. – Это брак фильтра? Ему уже больше года, не знаю, примут ли по гарантии.

– Возможно, брак. Или предположу, что давление скакнуло, и колба треснула.

– Так бывает?

– Конечно. Какие-то работы в доме велись, воду отключали. Резко включили.

– Ясно. Жаль.

– Не переживай. – Павел подходит ко мне, обнимает за талию и смотрит сверху вниз. – Ничто так не сплачивает, как совместные ремонтные работы. Воспользуемся шансом.

– Вранье, – шепчу я совершенно серьезно. – Во время ремонта все всегда ссорятся.

Паша убирает прядь волос мне за ухо.

– Я бы не стал с тобой ссориться, Диана, – говорит мне. – Когда ты такая красивая.

– Вздохмаченная, в мокрой юбке и выбившейся из-за пояса блузке?

– Именно. В моем вкусе.

Он наклоняется и касается моих губ своими. Я закрываю глаза и улыбаюсь. Паша тоже улыбается. Потом снова целует. Невесомо, мягко. Касается моей щеки своей, и я понимаю, что он колючий. Это заводит. Его губы прижимаются к щеке.

Я привстаю на цыпочки, он снова ласкает мой рот.

В дверь звонят.

Паша обхватывает мою нижнюю губу своими. Основательно, тепло, достаточно мягко. Я едва удерживаюсь от сладкого стога.

Вновь звонят.

Он прикусывает ее зубами, это дико приятно, аж морозец по коже и легкость в коленях. Его руки на моей талии. Как-то незаметно там оказались: я увлеклась и момент этот упустила. Паша пальцы растопырил и плавно, но довольно ощутимо поглаживает, что выдает нетерпение.

– Вы меня затопили! – слышится разъяренный крик. – Я сейчас в полицию звонить буду!

– Прости, – шепчу я. – Это ко мне.

– Отобьемся, не бойсь! – кивает решительно Паша.

Еще раз чмокает меня и идет открывать дверь. Мне кажется или он... незаметно поправляет штаны, скрывая эрекцию?

Бросает в жар.

Соседка снизу – женщина на пенсии. В общем-то, довольно милая, но при этом не упускающая случая отстоять личные границы всевозможными способами. Когда мы делали ремонт, она частенько заглядывала поворчать из-за шума.

Увидев Пашу, соседка неожиданно быстро сменяет гнев на любопытство.

Я заверяю каким-то высоким голосом, словно не своим, что полностью возьму затраты на ремонт и хлопоты. И искренне прошу прощения.

– Мы все починим, – включается Павел. – Не знаете, проводились ли какие-то работы в подъезде сегодня?

– Да, висело же объявление внизу, что воду отключат на два часа.

– Вот из-за этого. Диана не виновата, с каждым могло случиться. Дело житейское, давайте не будем ссориться. Мы же соседи.

– А вы кто вообще? Вы здесь теперь будете жить? – прищуривается женщина, внимательно рассматривая Адомайтиса. – Вместо нее? – указывает взглядом на меня.

– Надеюсь, все же с ней, – парирует Паша запросто.

Ауч. Я отворачиваюсь, чтобы сдержать смех.

Едва пострадавшая уходит, Паша вновь возвращается к фильтру, что расположен под раковиной, и заканчивает его отсоединять. Я спрашиваю вскользь, домывая кухню:

– И... как скоро ты переезжаешь, если не секрет?

– В течение месяца, наверное.

– Ничего себе! – фыркаю я. – Значит, у меня будем жить?

– Думаю, здесь нам будет удобнее. Готово! Не то чтобы я сантехник. Фильтр себе подключал сам, но не с первой попытки.

Паша вылезает из-под раковины и выпрямляется. Его джинсы мокрые до колен. Рукава свитера – тоже. Наверное, в мокрой одежде некомфортно.

– Включай воду, будем проверять, хозяйюшка! – Эту фразу Адомайтис произносит нарочито громко и выразительно, как будто мы в каком-то ситкоме.

Хохотнув, я несусь в ванную, поворачиваю краники.

– Врубай! – кричу.

– Отлично. Можно пока так пользоваться. Я крут.

– Мастер! Спасибо. У вас все такие умелые в «Айрис»?

Я делаю движение руками, будто в них зажаты скальпели и я провожу операцию.

– Пожалуйста. Я в первой тройке.

– Почему же тогда такой не женатый? – ступаю на опасную территорию, поглядывая на моющего руки Пашу.

Стройный, крайне привлекательный мужчина. Заботливый. И целуется минимум на девятку.

Поджимаю пальчики ног в ожидании ответа.

Глава 11

Паша медлит. Явно обдумывает варианты, выбирая получше. Что, наверное, не очень хороший знак. Но об этом я решаю подумать позже.

– Во-первых, мне Матвея хватает, – произносит он наконец.

– Матвей замечательный парень. Наговариваешь.

– Поживи с ним.

– А во-вторых?

– Во-вторых, не все так просто. И... когда в твоей жизни есть это... – Он берет в руки нож со стола и начинает комично им водить в воздухе, заставляя меня вновь улыбнуться, – частенько на остальное времени не хватает. Как ты, наверное, уже заметила. Я или работаю, или устал.

Закончив уборку, я иду в санузел. Выливаю воду, мою руки.

Возвращаясь и замечая, что Паша опять смотрит на меня. Как-то жадно. Я сняла колготки, сейчас в юбке перед ним и блузке на пуговицах. В квартире жарко, мы оба трудились и немного вспотели. Судя по тому, как его глаза шарят по моей шее, груди, на Адомайтиса это действует определенным образом.

Мне нужно сходить в душ. Срочно. И Пашу отправить. Потому что сейчас он какой-то слишком домашний, слишком... мой.

Мы сейчас два провокатора.

– Но ведь все зависит от приоритетов, – говорю я беспечно.

– Согласен. Если уж начистоту, восемьдесят процентов офтальмологов проводят жизнь в поликлиниках, выписывая бабушкам очки. – Паша опирается спиной на кухонный гарнитур, и мне отчего-то не хочется, чтобы он уходил. Органично здесь смотрится, на моей кухне. Со своими саркастическими шутками и властными замашками. – Так себе карьера. В бесплатную ординатуру пробиться почти нереально.

– Но ты ведь пробился.

– Только в Москве. Потом вернулся.

– Мне кажется... – Я подхожу к нему на цыпочках, хочу наклониться и понюхать его, но вместо этого кладу ладони на грудь, – ты бы и так не пропал. К тебе была бы самая длинная очередь из бабушек.

Паша тянется, чтобы поцеловать, но я выскальзываю из его объятий. Потому что если он поцелует, то мы точно пойдем дальше.

Пульс и без того частит. Я ощущаю на себе взгляд Адомайтиса ежесекундно.

Пока достаю из шкафа вазу, пока набираю воду, ставлю цветы на стол. Безумно красиво!
Вау.

– Как ты относишься к рису с курицей? – говорю бодро. – Мое фирменное блюдо. Полу-плов, но в сто раз легче. Для ужина идеально.

– Положительно, – отвечает Паша, улыбаясь.

– Пока я разогреваю, можешь раздеться. Сушительная машина в ванной. Если ты действительно согласен отвезти меня на вокзал, то лучше это сделать в сухой одежде. Все же мороз.

– Раздеться – это я могу, – смеется Павел и, широко зевнув, идет в ванную.

Я заявляюсь в зал минут через десять после быстрого душа в домашнем костюме – черные легинсы и короткая белая футболка. С тарелками риса в обеих руках. Паша сидит на диване, вокруг его бедер обернуто мое розовое полотенце.

Я, честное слово, ожидала, что он раздет! Была готова увидеть его в трусах. Но все равно на секунду застываю, впиваясь глазами в гостя.

Сложен Адомайтис отлично. Даже слишком... Очень, просто очень много темных волос на ногах. И руках, особенно до локтей. Хотя грудь и живот практически голые. Под моим взглядом Паша будто смущается, мышцы на животе напрягаются, словно я коснулась их холодной рукой.

Зря он стесняется. Выглядит уютным и одновременно сексуальным.

– Тебе идет, – улыбаюсь, кивнув на полотенце. Подаю ему тарелку и столовые приборы. Устраиваюсь рядом.

– Никогда не видел так много розовых оттенков на ткани. Сегодня ты меня просто поразила в самое сердце.

– Раз наш глаз способен различить все эти оттенки, почему бы этим не воспользоваться, – подшучиваю я над его профессией.

На самом же деле на этот набор была скидка. Он меня саму раздражает, но эта жадность...

– А ты знаешь, благодаря чему у человека появилась эта способность? Видели бы двенадцать цветов, да и ладно.

– Полагаю, снова дело не в чернике.

– Увы. Млекопитающие лишились цветного зрения, и только наши предки-приматы вновь развили у себя эту возможность благодаря...

– Драматичная пауза! – Я размахиваю вилкой.

– Ага. Змеям. Когда ты с бешеной скоростью перепрыгиваешь с дерева на дерево, то крайне полезно различить среди веток ядовитую тварь.

– Я что-то такое читала, кстати. Интересная гипотеза. Спасибо удавам, теперь у нас миллион разноцветных тряпок в гардеробе.

– Да. Это все удавы.

Я украдкой поглядываю на Пашину грудь. На плоский живот... Резко снова на плечи, шею. Закусываю губу и отвожу глаза. Включаю телевизор.

– Спасибо, очень вкусно. Посмотрим что-нибудь? – предлагает Паша чуть тише, чем говорил до этого. Стреляет в меня глазами, явно замечая, как напрягаются мои соски.

Безопаснее было бы надеть поролоновый лифчик. Но я, судя по всему, с недавнего времени предпочитаю экстрим.

– Да, давай. Время позволяет.

– Диана, у тебя кофе есть? – спрашивает он, вновь зевнув.

– Да, конечно. Сейчас сварю. Выбери пока какой-нибудь фильм.

Беру пустые тарелки и спешу в кухню. Ставлю турку на плиту. Сердце колотится. Мы сейчас будем вместе смотреть фильм. Вдвоем на диване. Я в домашней одежде, которую снять – секунда делов. Он – в одних трусах.

Мы даже в душе ополоснулись!

Ночью пробок нет – до вокзала за тридцать минут доберемся. У нас в запасе не меньше двух часов, получается. За это время все что угодно может случиться.

Вообще все что угодно.

Мы с ним, конечно, то о бактериях, то о змеях.

Забавный. И о телефоне своем не вспомнил ни разу за вечер. Это хорошо или плохо?

Пока мобильный выключен, подружки не позвонят и не напишут.

Понятия не имею, что делать, если Паша обнимет и к себе притянет. Не представляю даже, смогу ли отказать. И захочу ли?

А потом что? Прощаться на все выходные?

Интересно, у него есть презервативы с собой? Если нет, то ничего не получится: я не буду с ним спать без резинки. Слишком мало знакомы, да и... нет, конечно, не буду ни за что. А если он запасливый – получается, готовился? Или просто не упускает возможность. Может, он предпочитает разовые связи?

Все еще не представляя, что делать и как так вышло, что у меня дома сидит чужой и горячий, как пекло, мужик в трусах, я ставлю чашки с кофе на поднос и иду в зал.

– Паш, тебе сахар, молоко нужны? – спрашиваю и замолкаю на полуслове.

В комнате приглушенное освещение, шторы задернуты. На паузе стоит фильм. Паша сидит на диване, чуть согнувшись. С закрытыми глазами.

Он... спит.

Я стою еще несколько секунд, наблюдая за ним. Потом улыбаюсь. Отрубился все-таки. Черты лица расслаблены, и сам он весь такой уставший... сильно-сильно. Даже тени под глазами будто залегли, хотя при ярком электрическом свете их не было заметно.

С его графиком работы и подростком на попечении, наверное, и правда непросто найти девушку. Их родители погибли около трех лет назад, я навела справки.

Вечно занятой, вечно в клинике...

У меня уже был парень, который каждый день в пять часов ехал домой и безумно гордился средней зарплатой, которой едва хватало на ипотеку и продукты. Ни к чему не стремился, ни о чем не мечтал. Сережа говорил, что нужно быть скромнее и что мне очень повезло с ним. У других хуже. В какой-то день я приняла очень сложное для себя решение и сообщила, что ухожу от него. Сергей отреагировал плохо.

Я отношу кофе обратно в кухню. Возвращаюсь в зал с одеялом и подушкой. Подкладываю ее Паше под голову, тот моментально принимает более удобное положение. Еще раз оглядываю его тело – крепкое, мужское. Прикусываю губу и качаю головой. Я ведь не железная. Мне хочется ласки, тепла, внимания и того самого восхищения в глазах мужчины, которое было у Паши перед нашим поцелуем.

Укрываю Павла одеялом, выключаю телевизор и, погасив свет, выхожу из зала.

Уже в кухне набираю номер мамы. Услышав знакомый голос, быстро говорю в трубку:

– Мамуль, я не приеду сегодня. Все в порядке, у меня тут фильтр прорвало. Нет, уже нормально. Мне помогли его отключить. Вода есть, да. Завтра мастер придет. В следующие выходные пообедаем, хорошо? Скажи папе, что я целую его.

Глава 12

Я думала, что не сомкну глаз этой ночью. Буду маяться, раздражаться. Все же чужой мужчина без приглашения устроился на диване и дрыхнет себе.

Но нет! Помыла чашки после невыпитого кофе, поулыбалась, вспоминая наши с Пашей шуточные перепалки.

Его близость будоражила, колола сердце. Я то и дело замирала от каждого шороха, сжимаясь то ли от трепета, то ли от предвкушения. Но при этом Пашино присутствие не пугало. Что, должно быть, не совсем адекватно, если начистоту.

Волнение учащало пульс, гоняло кровь по венам. Пришлось признать, что совершенно не хочется домой к родителям. Я горела желанием продолжать общаться с Адомайтисом. Строить глазки, флиртовать, чувствовать на себе его жадные взгляды и мучиться вопросом – позвать ли его в свою постель?

Паша забавно извинялся, открыто тормозил себя в форсировании событий вечера. От него веяло безопасностью.

А еще он приходил ко мне ночью.

В дверях спальни постоял полминуты. Думал о чем-то. Хотел бы узнать, на секунду заглянуть в его мысли.

Я проснулась от одного взгляда. Кожей почувствовала его голод, не иначе. Лежала и слушала свое сердцебиение. Ускоренное, отчаянное. Хотела бы подошел и обнял. Хотела и до смерти боялась этого. До знакомства с Пашей я и не задумывалась, как сложно мне, оказывается, довериться и отдаться мужчине.

Просто жила одна и посвящала все время работе, друзьям, сериалам.

Павел неспешно подошел, я, дурочка, растерялась и начала имитировать размеренное дыхание. Он поправил одеяло, наклонился, будто хочет поцеловать. Потом молча вернулся на диван. Сердце разорвалось в этот момент.

Я на часы глянула – половина второго. Можно было бы позвать его. Окликнуть... Но не решилась.

Утром Адомайтис собирался как метеор! Я в семь встала – он уже умывался. Хотела ему завтрак приготовить, подколоть по поводу того, что на вокзал так и не попала. Да и вообще... мало кто, а в скобках – никто, валялся на моем диване полуголый, предпочитая сексу сладкий сон.

Но Адомайтис и без того выглядел смущенным.

От кофе и яичницы отказался, чмокнул меня в щеку и смылся быстрее, чем я успела спросить: «Как спалось?»

Так и осталась стоять... на дверь закрытую пялиться. Ладно.

Будем надеяться, что хирург просто растерялся, а не надумал себе что-нибудь лишнее.

Я пошла в зал и обнаружила, что одеяло он после себя аккуратно сложил, подушку сверху пристроил. Может, Адомайтис и намерен переехать ко мне в течение месяца, но пока чувствует себя как в гостях. И слава богу, а то скорость развития наших отношений слегка пугает.

Еще же отцу нужно как-то рассказать, что это тот самый... которого он заочно терпеть не может!

Ауч.

Всеми свое время.

Не спеша я привожу себя в порядок. Притаскиваю из магазина пятилитровую бутылку воды и немного продуктов. Сажусь за работу.

До понедельника хочу ознакомиться с новым видом задач, которые, возможно, будут использованы в экзаменах этого года.

Июнь для меня особенный месяц, потому что за своих детей я болею сильнее, чем за себя. Перед всероссийским экзаменом почти не сплю, а потом от мобильного не отхожу до ночи.

В том году дети звонили мне наперебой и рассказывали взахлеб, какие были задания. Что сделали, где запутались. Мы потом все-все проработали еще раз. И ждали баллы с нетерпением. Все мои ученики поступили туда, куда хотели. И я верю, что в этом году будет так же.

В детстве я мечтала стать ученым. Открывать что-то новое, посвятить себя науке. Но со временем поняла, что обожаю преподавать. Делиться знаниями. Это желание столь сильное, что сравнить можно разве что с потребностью дышать. Найти общий язык с подростком, заинтересовать его предметом, влюбить в химию... Это ведь каждый раз вызов!

И я категорически не согласна с извечным нытьем старшего поколения, что дети уже не те. Что вот в их время! А эти якобы ни к чему не стремятся.

Неправда. И стремятся, и мечтают, и влюбляются, и охотно учатся. Просто они слишком быстрые. Современный мир меняется с безумной скоростью, количество информации, с которой приходится ежедневно сталкиваться, немыслимо.

Учителям сейчас нелегко. Нудные тексты без разделения на абзацы и монотонное бормотание не для детей двадцать первого века.

Я увлекаюсь работой, но нет-нет да о Паше вспоминаю. Все думаю, что было бы, если бы я не притворялась спящей. Если бы окликнула его.

Поэтому, когда в половину десятого приходит сообщение, я чуть не подпрыгиваю на месте! От Паши.

На секунду замираю с телефоном в руке. Он прочитал злые эсэмэски и накатал ответ. Что ж, перед смертью не надышишься. Снимаю блокировку. Читаю:

«Привет! Если вдруг не сдохну от стыда, то приеду после работы».

Я прыскаю, а потом смеюсь! Вслух!

Следом падает хитрое:

«Можно? Обещаю починить фильтр».

Широко улыбаюсь. Одна на кухне сижу счастливая! Ну как можно быть таким милым? Как?!

«Во сколько, Паш? Я обед приготовлю. Или ужин лучше?»

«Ближе к четверем. Склоняюсь к ужину».

«Вы разве оперируете в выходные?»

«В выходные чиним глаза приезжим. Тут поток со всего региона нескончаемый».

«А, ясно. Наверное, денег можно много заработать».

«Я приеду. Дождись, пожалуйста».

Я смотрю на лилии. Касаюсь их рукой, делаю фотографию. А потом выкладываю в соцсеть. Лайки сыпятся как из рога изобилия! Директ взрывается вопросами. Я редко что-то публикую, а если и делаю это, то в закрытом аккаунте, без своего лица. То пластиковый стакан в руке, то браслет на запястье.

Отрываюсь от ноутбука около двух часов дня и открываю холодильник. Можно было бы, конечно, заказать роллы, но я так давно не готовила что-то особенное, что сейчас хочется.

Звонок в дверь застаёт врасплох, несмотря на то, что у меня все готово. Лосось в сливках, салат, тушеные овощи и рис по особому рецепту. В холодильнике бутылка вина. Еще я... достала свечи.

И тем не менее.

Нервы. Нервы... Нервы!

Быстро подхожу к зеркалу, поправляю платье. Макияж едва заметный: дома яркий выглядел бы неуместно. Встряхиваю волосы.

Спешу открывать. Поворачиваю замок, открываю дверь.

Паша стоит на пороге. С букетом роз. И... двумя большими пакетами.

– О, ты и правда переезжаешь? – спрашиваю я с улыбкой, но при этом немало растерявшись. Снова смеюсь, не зная, как реагировать.

Он на меня смотрит и тоже улыбается.

– Какая же красивая, – произносит тихо, настойчиво. – Я становлюсь зависимым.

– Спасибо за комплимент.

Волоски на коже встают дыбом. Я делаю шаг назад, пропуская «жильца» в квартиру. Принимаю цветы. Они пахнут вкусно, с мороза холодные. И Паша тоже. Он закрывает за собой дверь.

– Я колбу купил, инструкции прочел, – говорит мне, хвастаясь одним пакетом. Там что-то звякает, вероятнее всего, вино.

– О. Круто.

– И вот тут еще апельсины, – продолжает Адомайтис, протягивая второй пакет.

– Ауч! – округляю я глаза. – Судя по весу, килограмма четыре? Ты с ума сошел?!

– Чтобы тебе тяжести не таскать, я теперь к Евгению ходить буду. Хороший парень, вкусные фрукты... – поясняет Павел невозмутимо.

При этом я вижу четко, вот прямо чувствую ревность его. Едкую, жгучую. Острым металлом царапающую его изнутри. И ревность эта родом не из неуверенности в себе, не из детской травмы или чего-то подобного. Она на опыте основана и обстоятельствами возвращена.

Паша ведь... телефон разбил, и я обиделась. Потом после работы позорно уснул на диване. Адомайтис психует, потому что ему кажется, что он проигрывает.

Подхожу к нему на цыпочках, такому замерзшему. Меня ведет порыв, сама бы не осмелилась. Обнимаю его за шею, встаю на пальчики и тянусь к губам. Вкусным.

Паша реагирует моментально. Ставит пакеты на пол и хватает меня. Да так, что ахаю. В стену впечатывает и целует. Жадно, горячо. Совсем не так, как вчера. Вот теперь... на десятку!

Нравится вкус его языка. И запах кожи, как и всегда, идеален. Его похоть проникает в меня наркотиком через слюну, с кровью по венам несется к каждой клеточке. Заставляя гореть и плавиться. Стонать позорно Паше в рот. Обнимать крепко, показывая, что ждала. Что нужен.

Глава 13

Я ведь к родителям не поехала из-за него одного. Больше причин оставаться в городе нет. А еще... глупо, но я, кажется, скучала.

– Паша, – шепчу. И робко добавляю: – Там ужин. Я старалась.

– Для меня? – спрашивает он, сильнее сжимая талию.

Я все еще у стены. Киваю быстро, и он целует снова. В губы. Да так, что могу в ответ лишь обнимать. Ершит короткие волосы на затылке.

Движения губ становятся торопливыми.

Ему мало.

Его язык скользит по моему.

Романтику: свечи, вино, ужин... – все сдувает солнечным ветром. Мы вдвоем оказываемся в вакууме, нагреты до предела. Мы как атмосфера на Венере – сплошной обжигающий ураган.

Я прижимаю его к себе. Паша целует мою щеку, потом шею. Снова по тем же точкам. Я откликаюсь всем телом. Будто приручена. Запрокинув голову на стену, не сдерживаю жадных быстрых вдохов. Он обнимает крепче. Так, словно не отпустит.

Будто его я. Хочется расслабиться. Довериться хочется. Вообразить, что Адомайтис будет защитой, что не предаст, что сила его мужская никогда против меня не обернется. От этой мысли слезы на глаза наворачиваются. Я вмиг становлюсь растерянной и уязвимой. Я любила уже однажды, сильно. Меня много раз предали.

Качаю головой, заставляя внутренний голос заткнуться. Не буду ждать слишком много. Иначе... никогда из своей скорлупы не выберусь.

– Все в порядке? – Паша нехотя отрывается от моих ключиц.

Они ему, кажется, нравятся. Он с таким наслаждением их ласкал только что.

– Ты... точно... помешался, – говорю прерывисто.

Паша жадно сжимает меня в руках.

– Наверное.

– У тебя губы... холодные, а язык... горячий. Это ошеломительно.

Сердце колотится. Он нависает сверху:

– Я тебя целовать везде хочу. Только об этом думаю.

Я слатаываю. И шепчу как-то жалобно:

– И я теперь только об этом буду.

Паша облизывает губы. Дышит часто. Чуть прищуривается. Глаза темные. Хочет.

Я смотрю вниз, смутившись, и вижу, как топорщится его ширинка. Снова кожу покалывает. Сегодня он не скрывается.

Наклоняется и нежно целует мою щеку. Говорит намного мягче, но все еще не так, как обычно. Возбужденный Павел Адомайтис сильно отличается от обычной версии.

– Я не буду спешить, Диан. Дианка. Ты сразу говори, что и как хочешь. Я буду ждать столько, сколько нужно. Сам-то бы уже тебя давно... – Замолкает.

– Что? Съел?

– Всю.

Я начинаю медленно расстегивать пуговицы на его рубашке. Хочется трогать его тело. Вчера смотрела – мне мало было. Только смотреть.

– Останови же меня, – говорит Паша мне в губы и снова целует.

Да так, что внутри огнем все, вихрем горячим закручивает до боли, до спазмов. И пальцы дрожат.

Я путаюсь. На третьей пуговке останавливаюсь. Руки больше не слушаются. Его похоть во мне достигает максимума. Желание в ушах бешеным биением отдается. Мысли плавятся.

Мир суживается до его запаха. До его поцелуев. До его языка. Который я хочу везде почувствовать. Интересно, Паша и правда будет меня облизывать?

– Почему тебя нужно остановить? – шепчу я с вызовом.

– Потому что я сейчас никого не услышу. Кроме тебя.

Паша наклоняется, достает из пакета с апельсинами здоровенную пачку презервативов. Крупные оранжевые фрукты падают на пол и катятся по коридору.

– Я смотрю, ты и правда надолго! – улыбаюсь я, кивая на... эм, сюрприз.

– Это так. Для разгона.

– Неужели выпался? – вздергиваю бровь.

Он вдруг подхватывает меня на руки и несет в спальню. Уже больше не спрашивая. И мнением моим не интересуюсь. Всю свою власть я, кажется, профукала в прихожей, не надо было его одежду вообще трогать.

Пикнуть не успеваю, как остаюсь без платья. Адомайтис сам рубашку с себя стягивает, от меня глаз не отрывая.

– Паш, задерни шторы, – шепчу я, удобнее устраиваясь на кровати.

– Зачем? – спрашивает он. – Я хочу смотреть.

– Я не хочу.

Чтобы ты смотрел. И запоминал.

Паша медлит секунду, потом подходит к окну и задергивает портьеры. Я жадно ловлю последнее мгновение, чтобы полюбоваться им – высоким, поджарым, достаточно худым, но при этом крепким. Просто идеальным.

Его губы снова мои находят. Руки мягко касаются груди, низа живота, гладят. Изучают. Пока осторожно. Нежно.

Поцелуи же выдают настроение. Глубокие и горячие. И все его тело, вес которого я чувствую, все его касания заставляют забыть о страхах и вышвырнуть страхи из головы как ненужный мусор.

В тусклом свете ночника Паша очень, просто невероятно сексуально выглядит, когда распечатывает презерватив.

После нескольких минут ласк он сидит на моей кровати. Интимность момента зашкаливает. Паша растрепан, его губы чуть припухли от долгих поцелуев и моих мягких укусов. Он совершенно голый. Эрекция каменная. Выдающая сильное желание.

Сердце бешено колотится. Я наблюдаю с открытым ртом.

Паша надрывает конвертик зубами. Я тянусь и целую его в плечо. Напряженный член дергается. У меня дух захватывает. Я наклоняюсь и целую Пашу в бок. Потом в живот. Мешкаю мгновение, губы облизываю, но не решаюсь пока на большее.

Поднимаю голову, и Паша вновь целует в губы.

– Я хочу тебя, – говорит очень серьезно. В глаза смотрит.

Я быстро киваю. Он достает резинку, прижимает к головке. Растягивает по стволу.

Вес его тела, теперь уже долгожданный. А запах – необходимый. Паша обнимает меня обеими руками, я в колыбели под ним расслабляюсь и закрываю глаза от наслаждения.

Где-то на периферии слышу тихое: «Доверься».

Его это голос или мой внутренний... Понятия не имею.

Я качаю головой и жадно дышу. Тянусь к выключателю и гашу свет.

Чтобы не смотрел. Не хочу, стесняюсь.

И потом, уже в полной темноте, после долгого, нежного, душу из тела вынимающего поцелуя, я ощущаю вторжение.

Глава 14

Не хочется идти в душ.

Я сладко потягиваюсь, глаза закрываю и улыбаюсь. Самая счастливая! Паша рядом лежит на спине, дышит часто. Чувствую жар его тела, он греет и обжигает одновременно. Использованный презерватив валяется у кровати.

В комнате темно. Паша не знает, какой довольной я, должно быть, сейчас выгляжу. Неловко показать себя столь уязвимой. Я рада, что шторы плотные. Что света нет. Скорее бы совсем стемнело.

Я все еще возбуждена. Зацелована, залюблена.

Чувствительные шея и грудь исцарапаны его колючей щекой. Внизу живота пылает после вторжения и бесконечных фрикций. Я напрягаю бедра, вспомнив, как было сладко, когда Паша двигался, когда любил. Волна жара вновь прокатывается по телу. Закусываю губу. Моя рука дергается и его пальцы сжимает.

Паша поворачивается и ведет ладонью по моему животу.

– Тебе было хорошо? – говорит негромко, медленно, будто лениво. В тишине комнаты... в моей темной спальне его голос кажется густым и значительным. – Ты молчишь все время. Я лицо твое не вижу.

– Да, а тебе? – шепчу в ответ.

– Еще как.

Он вновь целует меня. Я как-то сама, отчета себе не отдавая, обнимаю Пашу за шею. Его язык раздвигает мои губы и проникает в рот. Рука ползет ниже, описывает круги под пупком, опускается к промежности.

Я сжимаю ноги. Он хотел ласкать меня там, но я застеснялась и отказала еще в самом начале.

Паша продолжает целовать и гладить.

– Я снова хочу тебя, – говорит мне.

– Да?

Он стискивает мою руку, потом кладет на член. У меня приоткрывается рот.

Он определенно готов. Полностью. Твердый. Словно Паша не кончил, двигаясь во мне минуту назад. Рот наполняется слюной. Возбуждение окутывает жарким колючим одеялом, из-за него нестерпимо горят соски, нуждаясь в поцелуях.

Я сжимаю член, скольжу по тонкой нежной коже. Резкий толчок бедер заставляет провести до основания и назад. Выдыхаю шумно.

Бросает в пот от мужского нетерпения. Я понимаю, что Паша был достаточно нежен в первый раз. И все впереди.

От этой мысли пульс учащается. И внизу живота приятно ноет.

Паша поглаживает внутреннюю часть моего бедра. Ведет выше.

– Как мне сделать, чтобы ты кончила? – произносит медленно, словно гипнотизируя. Вроде бы и деликатно, но при этом слишком запросто для такой интимной темы.

Я сжимаю его в ответ, сама округляю глаза. Хорошо, что в комнате темно.

– Мне было очень хорошо, – отвечаю уклончиво. И это правда, мне было классно. – Давай продолжим. Я тоже хочу тебя.

Сжимаю член сильнее, тот наливается в моей руке и становится больше. Я надеюсь, мы продолжим заниматься сексом, а не болтать.

– Я хочу потрогать, чтобы убедиться. Что было достаточно хорошо.

Паша ждет. Терпеливо. Я сглатываю.

– С чего бы мне тебя обманывать?

– Меня бы очень возбудило, если бы я потрогал тебя.

Я мешкаю. Потом расслабляю ноги. Его рука устремляется выше и прижимается к моим самым чувствительным точкам. Я ощущаю неспешное прикосновение пальцев, Паша ведет по складочкам, касается клитора, затем вновь опускается чуть ниже. Два его пальца слегка входят в меня. Я закрываю глаза и запрокидываю голову. Это очень приятно.

Там достаточно влажно для него. Мы лежим очень близко, я улавливаю, как Паша напрягается, замирает. Как срывается его дыхание, которое щекочет висок. То, что происходит, это откровение. Кажется, это слишком много для едва знакомых людей. Я думала, что близость ограничится сексом, быстрыми фрикциями. Которые обоим доставят удовольствие. Я не ханжа, совершенно, просто... обескуражена.

Паша трогает меня, ласкает. Он ищет точки. Ищет, как мне нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.